

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Репертуар потестарной терминологии в сочинении Дж. Коуэлла
«Толкователь»**

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки 46.04.01 – История
образовательная программа магистратуры «Становление современной западной
цивилизации»

Выполнила:
обучающаяся II курса
Кряжева Марина Валерьевна

Научный руководитель:
доцент кафедры истории
Средних веков, д.и.н.
Паламарчук Анастасия Андреевна

Рецензент:
доцент кафедры
Истории и регионоведения СПбГУТ, к.и.н.
Терентьева Екатерина Анатольевна

Санкт-Петербург

2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. «Толкователь» как часть лексикографической традиции.....	19
Глава 2. Джон Коуэлл и исторический контекст.....	39
Глава 3. Терминология королевской власти в «Толкователе».....	73
Заключение.....	107
Список использованных источников и литературы.....	110

Введение

Обращение к письменному историческому источнику подразумевает, что в процессе его изучения будет налажен диалог не только с его автором, но и со временем, когда он был создан. Порой исторический контекст во многом определяет идеи, заложенные в документе, потому что его автор, каким бы беспристрастным он сам себе не казался, не существует в отрыве от своего времени. Поэтому рассматривать источник отдельно от эпохи его создания значит обрекать себя на неправильную интерпретацию или потерю части замысла автора. Этот тезис может быть легко подтверждён сочинением Джона Коуэлла «Толкователь», вышедшего на обсуждение английской интеллектуальной публики в самом начале XVII в.

Время правления Якова I (1603-1625) олицетворяет собой новый этап английской истории. Оно во многих отношениях было переходным и определяющим события середины XVII в. Если правление Елизаветы, по мнению В.В. Штокмар, стало «кульминационным пунктом в развитии английского абсолютизма»¹, то время правления первого Стюарта характеризуется снижением авторитета короля, проведение непопулярных преобразований, а также активизацией парламента, настроенного на возврат привилегий и полномочий, потерянных ранее. Ко времени Якова сложно применить понятие «абсолютизм», если только с оговоркой на специфический его вид. Способность или неспособность вовремя давать ответы на вызовы различного характера становятся определяющими факторами этого времени.

Помимо сугубо политических споров, определяющих процессы административного регулирования, в это время происходит оживление в среде юстиции. Здесь начинается своя борьба, касающаяся области идеологии, которая при Якове не имела чётко очерченных границ и не была оформлена на государственном уровне. Это порождало множественность

---

¹ Штокмар В.В. История Англии в Средние века. СПб.: Алетейя, 2005. С. 169.

суждений по вопросам права, которое развивалось не в рамках единой системы, а было разделено на три основных направления: общее, гражданское и каноническое. Многочисленные споры о границах действия каждой отдельной системы приводили к столкновениям и борьбе в рамках юридической среды не только начала XVII в., но и намного ранее.

Позиции юристов были совершенно разнообразны. Каждый отстаивал тут точку зрения по вопросу действия судебных юрисдикций, которую во многом определяло его происхождение и общественное положение. Не малую роль в этом сыграло и образование. Но примечательно, что юридические споры начинают выходить за рамки судебных стен, и перерастают в парламентские дискуссии.

Во времена Якова остро встал вопрос о королевских прерогативах, их характере и границах действия. Он был вызван ситуацией с выборами в парламент, отчасти финансовыми вопросами обеспечения короля, отчасти личностью самого Якова. Именно в этот кризисный момент внутренних споров был издан «Толкователь» Джона Коуэлла, юриста гражданского права и викария архиепископа Кентерберийского. Сама личность автора представляет немалый интерес в рамках истории событий рубежа 1610-х гг. Ситуация вокруг Джона Коуэлла – весьма показательный пример для своего времени, насколько переменчивым было мнение Якова, насколько категоричными были осуждения со стороны юристов общего права, и насколько неустоявшейся была идеологическая доктрина ранних Стюартов. Но, не смотря на мощный резонанс при жизни автора, в последующей традиции о Джоне Коуэлле практически забыли в силу различных причин.

Актуальность квалификационной работы обусловлена малым вниманием к интеллектуальному наследию Джона Коуэлла, которому не посвящено ни одного полноценного исследования, как среди отечественных историков, так и среди западных коллег. Хотя «Толкователь» как источник давно введён в научный оборот, тем не менее, основное внимание учёных было сосредоточено на рассмотрении тех понятий словаря, которые и

вызвали наибольший резонанс при жизни автора. Фактически словарь никогда ранее не изучался целиком как полноценный документ, содержащий в себе объёмную характеристику правовых воззрений своего времени. Обращение к «Толкователю» даёт возможность проиллюстрировать одну из наиболее популярных позиций во множестве политических споров и дискуссий начала XVII в.

Новизна исследования продиктована ранним поверхностным рассмотрением «Толкователя». Использование источника, не переведённого на русский язык, и детальный анализ властной терминологии словаря позволит в полной мере обозначить позицию Джона Коуэлла в юридическом дискурсе и позволит расширить представления отечественных исследователей о развитии политико-правовой мысли начала XVII в.

Хронологические рамки исследования определены годами жизни Джона Коуэлла (1554-1611), хотя при этом автор исследования обращается и к более раннему периоду для обоснования тех идей, которые господствовали при жизни автора, а также к более поздним годам для характеристики значения рассматриваемого исторического источника и его создателя.

Объектом исследования является реконструкция юридических представлений о королевской власти в начале XVII в. **Предмет** работы обусловлен рассмотрением позиции одного из выразителей роялистского направления общественно-правовой мысли времён правления Якова I – Джона Коуэлла, как одного из наиболее популярных идеологов абсолютной королевской власти.

В основу **методологии** исследования положены принципы историзма, объективности и системности. Принцип историзма предполагает изучение истоков формирования правовых систем английской юстиции и эволюцию их взаимоотношений к началу XVII в. В рамках исторического метода осуществляется анализ тех представлений идеологического толка, которые были зафиксированы в трудах современников Джона Коуэлла, а также в его собственных сочинениях.

Принцип объективности предполагает беспристрастный анализ деятельности юриста и тех, кто оказался прямо или косвенно связан с ним. Рассмотрение ситуации вокруг Джона Коуэлла определяется временем создания источника без проекции современным представлений о явлениях, носящих те же названия. Это подразумевает рассмотрение вещей в историческом контексте событий начала XVII в.

Принцип системности определяет комплексный подход к рассмотрению интеллектуального наследия времён правления Якова I. Изучение множества аспектов политической, правовой, финансовой и культурной борьбы этого времени предоставляет возможность взглянуть на издание «Толкователя» как на явление, которое полностью вписывается во временные рамки своего создания.

Использованные в рамках исследования **источники** представляют собой письменные свидетельства, которые можно разделить на две группы:

1. Нарративные источники:

а) «Толкователь» Джона Коуэлла, представленный в двух редакциях – 1607 г. и 1637 г. соответственно¹. Второе издание было использовано для восполнения тех пробелов, которые связаны с утраченными страницами используемой основной публикации 1607 г. Эти словари идентичны, поэтому их сравнение и использование не характеризуется потерей смысловой значимости разницы источников². «Толкователь» выступает источником, который помимо хрестоматийных определений содержит в некоторых местах сугубо авторскую позицию. Поэтому только к жанру словаря этот источник относить весьма сложно. Он скорее походит на трактат в несколько непривычной форме. Более подробная характеристика источника, а также

---

¹ *Cowell J.* The Interpreter: or booke containing the signification of words: wherein is set forth the true meaning of all, or the most part of such words and termes, as are mentioned in the Laws Writers, or Statutes of this victorious and renowned Kingdome, requiring any exposition or interpretation. Cambridge, 1607; *Idem.* The Interpreter: or booke containing the signification of words: wherein is set forth the true meaning of all, or the most part of such words and termes, as are mentioned in the Laws Writers, or Statutes of this victorious and renowned Kingdome, requiring any exposition or interpretation. L., 1637.

² *Hicks F.C.* Men and Books Famous in the Law. Washington, 2000. P. 47.

терминология, содержащаяся в нём, представлена в основном тексте исследования. Язык источника – ранненовоанглийский с заимствованиями из более раннего этапа языковой традиции; также имеются цитаты на латинском языке. Это подразумевает обращение к специализированным историческим лингвистическим изданиям, как например, к «Словарю средневековых терминов и фраз»¹. Представленный в исследовании перевод является авторским.

Помимо основного источника задействовано несколько дополнительных.

б) Политические работы Якова I². Данный сборник содержит тексты главных произведений Якова I – «Истинный закон свободной монархии» 1598 г. и «Базиликон дорон» 1599 г. Источники являются основополагающими для понимания тех идей, которые Стюарт вкладывал в определения монарха, абсолютизма, парламента, а также в целом дают представление о мировоззрении короля. Примечательно, что «Базиликон дорон» был своего рода наставлением для старшего сына, где Яков излагает основные моменты политического управления; достаточно много внимания уделено религиозному аспекту, вторым по важности в повествовании стоит вопрос королевской власти. Источники характеризует объединение идей абсолютного властителя и божественного происхождения его прерогатив.

В этом же сборнике опубликованы несколько речей Якова, с которыми он выступал на заседаниях палат парламента, а также в некоторых судах. Например, речь 1610 г. перед парламентом содержит не только королевский публичный ответ на события, связанные с «Толкователем», но также является подтверждением и дополнением к тем идеям, которые были изложены в упомянутых ранее сочинениях монарха.

---

¹ *Coredon C., Williams A. A Dictionary of Medieval Terms and Phrases. Cambridge, 2004. 308 p.*

² *The Political Works of James I / Ed. by Ch. McIlwain. Vol. 1. Cambridge: Harvard University Press; L.: Humphrey Milford, 1918. 354 p.*

К. Шарп указывает, что составитель сборника – Чарльз МакИлвейн – акцентировал своё внимание только на вопросах политики, поэтому здесь представлены только те речи и тексты, которые, по его мнению, отражают эволюцию парламента и права. По этой причине многие трактаты и речи Якова отсутствуют в сборнике¹.

2. Документальные источники:

а) Журнал палаты общин, охватывающий период с 1547 по 1629 гг.². Этот источник представляет собой фиксацию процесса работы палата общин, где впервые был поднят вопрос о «Толкователе» в феврале 1610 г. Обращение к этим записям позволяет проследить, как неторопливо развивалось «дело Джона Коуэлла» вначале, и как резко оно стало причиной очередных обсуждений королевских и парламентских прав на общем собрании главного представительства государства.

б) Журнал парламентских дебатов 1610 г.³ наглядно даёт понять, как развивалась дискуссия, не только связанная с решением по «Толкователю» и его автором, но и как выстраивались сложные взаимоотношения между королём и палатой общин. По большей части данное издание – это структурированный сборник из журналов палат парламента, а также воспоминания и сочинения участников дебатов. Этот компилятивный труд является результатом работы сразу нескольких авторов, целью которых было зафиксировать сведения, относящиеся к «Великому контракту».

в) «Апология палаты общин»⁴ стала своеобразным ответом палаты на те претензии Якова I, которые он изложил в своих сочинениях, а также на ту политику, которой он стал придерживаться с самого начала вступления на престол. Недовольства, вызванные абсолютистскими идеями, религиозной

---

¹ Sharpe K. Reading Authority and Representing Rule in Early Modern England. Bloomsbury Academic, 2013. P. 31.

² Journal of the House of Commons. Vol. 1. 1547–1629. L.: Printed by HM Stationary Office, 1802. 932 p.

³ Parliamentary Debates in 1610 / Ed. by S. R. Gardiner. L.: Camden Society, 1862. 183 p.

⁴ Лавровский В.М. Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII в. М., 1973. С. 67 – 71.

подоплёкой, экономическим сдерживанием, а также правовыми ограничениями прав подданных вылились в этот своеобразный документ. Обращение к нему позволяет увидеть, как уже в 1604 г. начали вызревать те проблемы, которые во время обсуждения «дела Джона Коуэлла» вновь встали на повестку дня и во многом определили исход для автора «Толкователя».

г) Прокламация, касающаяся книги доктора Коуэлла, именуемой «Толкователь»¹ является своего рода финальным аккордом в деле юриста, поскольку выносит решение, согласно которому книгу решено было запретить. При этом те обвинения, которые были выдвинуты против автора, не звучат в высшей мере критично, а скорее констатируется факт неправильного понимания автором некоторых положений существующего английского государственного миропорядка.

Все указанные источники позволяют в полной мере проследить, как шёл процесс рассмотрения словаря в рамках административной системы, а также какие именно обвинения были выдвинуты против автора, излагающего одну из наиболее популярных позиций своего времени по вопросу королевской прерогативы.

Исследовательская база данного исследования подразумевает обращение к работам историков, лингвистов и правоведов, поэтому вполне обосновано историографию можно разделить по тематическому принципу.

Зарубежная историография

Характеристика и анализ исторического фона. Фундаментальными работами, дающими общее представление о рассматриваемой эпохе, являются труды Д. Юма², С. Гардинера³, А. Мортон¹. Исследования первых

---

¹ The British Magazine and Monthly Register of Religious and Ecclesiastical Information, Parochial History, and Documents Respecting the State of the Poor, Progress of Education, &c. L., 1845. Vol. 27. P. 139-140.

² Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб., 2001. Т. 1. 563 с.

³ Gardiner S. R. The first two Stuarts and the Puritan revolution, 1603-1660 (Epochs of modern history). NY: C. Scribner's Sons, 1895. 222 p.

двух - до сих пор являются основополагающими работами, которые дают системное представление не только о событиях начала XVII в., но и о том, как они отразились на социально-политическом конфликте середины столетия. Их последователь Артур Мортон, марксист по своим взглядам, представил свою общую историю Англии, акцент в которой больше направлен на социально-экономические аспекты, поэтому его характеристика времени Якова I раскрывает большинство событий, в том числе и борьбу с парламентом, через вопросы финансового обеспечения короны.

В XX в. выходит сразу несколько работ, посвящённых времени первых Стюартов. Отдельно хотелось бы обозначить исследования Г. Дэвиса², Д. Купера³ и Б. Коварда⁴. Так исследование Годфри Дэвиса – это попытка комплексного рассмотрения истории 1603-1660 гг., где внимание уделяется не только политике, но и культуре. Д. Купер же в рамках «Новой Кембриджской современной истории» излагает только политическую историю до 1649 г. Бэри Ковард представил свой вариант всеобъемлющего труда по истории всех Стюартов, где затрагиваются политико-конституционное, религиозное и социально-экономическое развитие Англии периода Стюартов.

История права. Основополагающим исследованием по истории английского права является многотомная работа Уильяма Холдсворта «История английского права»⁵. Она представляет собой хронологическое изложение событий формирования и развития английской юстиции от англо-

---

¹ *Мортон А. Л.* История Англии / пер. в англ. Н. С. Чернявской. М.: Издательство иностранной литературы, 1950 г. 463 с.

² *Davies G.* The Early Stuarts, 1603-1660 (Oxford history of England). Oxford: Clarendon Press, 1937. 452 p.

³ *Cooper J. P.* The fall of the Stuart monarchy // The New Cambridge Modern History: Vol. 4. The Decline of Spain and the Thirty Years War, 1609-48/49 / Ed. by. J. P. Cooper. Cambridge: University Press, 1971. P. 531-584.

⁴ *Coward B., Gaunt P.* The Stuart Age, 1603-1714. London; New York: Routledge, 2017. 632 p.

⁵ *Holdsworth W.S.* A History of English Law. In 7 vols. Third Edition. Vol. 2. L.: Methuen and Co., 1923. 710 p.; *Idem.* A History of English Law. In 7 vols. Third Edition. Vol. 6. L.: Methuen and Co., 1922-23. 760 p.; *Idem.* The Prerogative in the Sixteenth Century // Columbia Law Review, Vol. 21, No. 6. P. 554-571.

саксонских традиций и до 1875 г. Основное внимание автор уделяет общему праву, считая его основополагающим элементом английской правовой системы. Помимо истории развития и классификации права, цитирования источников, ссылок на юристов, Холдсворт также даёт сведения по истории развития государственности.

Менее обстоятельными, но не лишёнными научной значимости являются работы по истории английского права, принадлежащие перу Питера Арчера¹ и Эдуарда Дженкса². Они подробно останавливаются на вопросах классификации, но также излагают историю возникновения наиболее известных судебных институтов, таких как Канцлерство, Звёздная палата и др.

Из наиболее новых работ данной тематики стоит отметить объёмную работу Дж. Баркера³. Он акцентирует своё внимание не на простом изложении уже известных по работам предшественников фактов, а на том, что право имеет способность меняться и не существует отдельно от времени. Поэтому это издание представляет собой описание того, что сейчас происходит в английской системе правосудия, так как автор привлекает материалы последних двух столетий, как указано в начале его труда.

Лексикографическая традиция. В рамках рассмотрения творческого наследия Джона Коуэлла стоит отметить, что «Толкователь» - это словарь. Поэтому для определения жанровой специфики, возможностей работы с подобным источником необходимо проследить, что из себя представляет этот жанр, как он складывался, и какие элементы позволяют отнести «Толкователь» к подобного вида источникам.

---

¹ Арчер П. Английская судебная система / пер. с англ. Л.А. Ветвинского. М.: Изд-во иностранной лит., 1959. 268 с.

² Дженкс Э. Английское право. (Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / Пер. с англ. Л.А. Лунц. М., 1947. 378 с.

³ Baker J. An Introduction to English Legal History. Oxford: Oxford University Press, 2019. 637 p.

Отдельно стоит отметить небольшую статью Д. Стоуна¹, где автор рассматривает наследие Джона Коуэлла больше не с позиции истории идей, а скорее как один из первых словарей Англии. Его внимание больше обращено на характеристику жанровой особенности и места в лексикографической традиции. Также были использованы работы Джона Консидайна², одного из ведущих специалистов в области лексикографии и изучения английского языка. Он один из немногих исследователей, которые рассматривают «Толкователь» как словарь, поэтому в то время как большинство специалистов ограничивается исключительно работами по лингвистике, Консидайн привлекает и те источники, которые несколько отличаются от типичных словарей.

Немалое значение играют работы Г. Стейна³, Д. Зецела⁴, М. Лapidжа⁵, которые во многом объясняют и демонстрируют процесс формирования лексиконов и иллюстрируют, какое место в этом процессе занимает «Толкователь».

Но стоит отметить, что не смотря на свою научно-практическую и историческую важность, данный источник многие исследователи обходят стороной.

---

¹ *Stone J.* John Cowell's Interpreter: Legal Tradition and Lexicographical innovation // SEDERI: yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies. 1999–2000. № 10. P. 121–130.

² *Considine J.* Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage. Cambridge University Press. 2008. 393 p.; *Idem.* English dictionaries as sources for work in English historical linguistics: An overview. Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis, 2014. Vol. 131. № 1. P. 27–41.

³ *Stein G.* Introduction // In Starnes DeWitt T., Noyes G. E. The English Dictionary from Cawdrey to Johnson 1604–1755. (Studies in the History of the Language Sciences). Amsterdam, 1991. vii- xi.; *Idem.* The English dictionary before Cawdrey. Tübingen, 1985. 444 p.

⁴ *Zetzel J.E.G.* Critics, Compilers, and Commentators: An Introduction to Roman Philology, 200 BCE–800 CE. Oxford University Press, 2018. 425 p.

⁵ *Lapidje M.* The Anglo-Saxon library. Oxford, NY: Oxford University Press, 2006. 407 p.

О Джоне Коуэлле. Цивилисту посвящены в основном разделы в обширных работах. Среди зарубежных специалистов стоит выделить исследования Д. Грея¹, Д. Кокиллетта², Д. Соммервилла³, Ф. Хикса⁴.

Джон Грей одним из первых обратился к жизни и творчеству Джона Коуэлла. В рамках небольшой статьи о Королевском Колледже он по большей части рассмотрел ход политического процесса над «Толкователем». Интересно, что автора прилагает к статье завещание юриста, которое не было никем использовано ни ранее, ни после публикации.

Дэниел Кокиллетт в первой статье из серии «Правовая идеология и инкорпорирование» обращается к наследию Джона Коуэлла. По его мнению, Коуэлл пострадал по большей части из-за резкости своих формулировок, нежели из-за смысла, который он в них вкладывал. Кроме того, автор придерживается мнения, что обвинение оказалось удобным для большого числа заинтересованных лиц, среди которых члены парламентской оппозиции, и король, который нуждался в субсидиях.

Дж. Соммервилл обращается к юристу в рамках рассуждений о политике и идеологии времён первых Стюартов. Рассуждая о природе таких построений как «король-бог на земле», «король – голова политического тела», а также «отец» для подданных, Соммервилл обращается к «Толкователю» как одному из наиболее характерных произведений своего времени, где подобные идеи заложены, но, может быть, не всегда отражены в силу специфики жанра словаря.

Фредерик Хикс считает «Толкователя» одним из самых недооценённых сочинений своего времени. Тем не менее, основное внимание исследователя обращено больше к процедуре суда над Коуэллом, чем к

---

¹ *Gray J.* King's College School in 1564 // *Proceedings of the Cambridge Antiquarian Society.* Cambridge, 1964. Vol. LVI & LVII. P. 88-102.

² *Coquillette D.* Legal Ideology and Incorporation I: The English Civilian Writers, 1523–1607 // *Boston University Law Review.* 1981. № 61. P. 1–89.

³ *Sommerville J.P.* Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England, 1603 –1640. L., New York, 2014. 304 p.

⁴ *Hicks F.C.* Men and Books Famous in the Law. Washington, 2000. 259 p.

самому тексту источника. Лишь в самом конце раздела, посвящённого цивилисту, он обращается к некоторым понятиям из словаря. Тем не менее, это одна из самых обстоятельных попыток зарубежных исследователей обратить внимание на Джона Коуэлла и его сочинение.

Политико-юридический дискурс эпохи. Во второй половине XX в. появляется целая серия работ, акцент которых смещён с описания событийной истории в сторону разработки исследований по идеологии, мысли, литературе, которые преобладали во времена Елизаветы I, Якова I и Карла I. Внимание этих исследователей также было обращено к истории развития отдельных институтов власти.

Парламенту и его институциональному развитию в рамках начала XVII в. посвящена работа А. Смита¹, где автор приходит к мысли, что оппозиция была сильнее короля из-за своей организованности наподобие партии. К. Расселл² считает, что до 1603 г. английский парламент олицетворял национальное представительство. А вот после уже нет, поскольку англичане и шотландцы не могли быть одной нацией. Именно в этом он видит причину нестабильных отношений короны и парламента начиная с 1603 г.

По вопросу борьбы королевской прерогативы и парламента высказались П. Уайт³ и У. Джонс⁴. Так первый предполагал, что юристы общего права, в том числе и Э. Кок настаивали на идее главенства общего права над всеми остальными не потому, что искренне в это верили, а потому что это было единственное, что они могли предоставить в противовес усиливающемуся влиянию гражданского права. У. Джонс считает, что споры

---

¹ *Smith A. G. R. Constitutional Ideas and Parliamentary Developments in England 1603-1625 // The Reign of James VI and I / Ed. by Smith A. G. R. L., 1973. P. 160-176.*

² *Russell C. The Nature of a Parliament in Early Stuart England // Before the English Civil War: Essays on Early Stuart Politics and Government / Ed. by Tomlinson H. NY, 1983. 123-150.*

³ *Waite P.B. The Struggle of Prerogative and Common Law in the Reign of James I // The Canadian Journal of Economics and Political Science / Revue canadienne de economiques et science politique. Vol. 25. № 2. 1959. P. 144-152.*

⁴ *Jones W. J. The Crown and the Courts in England 1603-1625 // The Reign of James VI and I / Ed. by Smith A. G. R. L., 1973. P. 177-194.*

между судами разных правовых систем были по большей части вызваны финансовым вопросом, поскольку борьба за юрисдикции определяла, какая из систем будет получать больше средств за счёт осуществления своей юридической практики.

Л. Кнафла¹ много внимания уделил не только устройству правовой системы, но также и иллюстрации её изъянов и недочётов. Д. Дели² рассуждает о правовой терминологии начала XVII в. и возможности её применения без изменений в наши дни и наоборот. При этом он указывает на разницу понятий времён Якова – «абсолютный» и «произвольный», которая не всегда улавливалась современниками. Д. Ли³ рассматривает идею народного суверенитета и её реализацию в трудах юристов конца XVI – начала XVII вв. Стоит также выделить Г. Бёрджесса⁴, который акцентирует своё внимание на изучении писания, естественного и общего права.

Фактически западная историческая наука перешла с пути изложения подробной событийной истории к истории идей, от комплексного изучения эпохи к более конкретным её проявлениям.

Отечественная историография времени первых Стюартов выглядит менее обширно. Из обобщающих работ можно выделить «Английскую буржуазную революцию XVII века»⁵, которая является одной из первых работ в советской науке, посвящённой спорному вопросу английской государственности. Стоит также отметить труды А.Н. Савина⁶ и С.В.

---

¹ *Knafla L. A. Law and Politics in Jacobean England. The Tracts of Lord Chancellor Ellesmere. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 355 p.*

² *Daly J. The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England // The Historical Journal. Vol. 21, № 2. 1978. P. 227-250.*

³ *Lee D. Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought. Oxford: Oxford University Press. 2016. 375 p.*

⁴ *Burgess G. The Politics of the Ancient Constitution: An Introduction to English Political Thought, 1603-1642. L.: Palgrave, 1992. 293 p.*

⁵ Английская буржуазная революция XVII века / под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Т. I. 384 с.

⁶ *Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. М.: Соцэкгиз, 1937. 388 с.*

Кондратьева¹. Так в центре внимания В. Н. Савина, прежде всего, аграрная история XVI-XVII вв., и именно, исходя из социально-экономических изменений, он ищет причины политических изменений. Хотя работа посвящена революционным событиям середины XVII в., тем не менее, Савин даёт подробный анализ деятельности Якова, считая, что причины социального недовольства 1640-ы гг. скрываются в политике первого Стюарта. «Английская революция XVII в.» авторства С.В. Кондратьева представляет собой попытку обобщения опыта предшественников. Внимание автора сосредоточено на изложении причин английской революции, но это исследование, в отличие от Савина, больше содержит общественно-политического контекста.

О Джоне Коуэлле. Юристу посвящены работы А.А. Паламарчук² и С.В. Кондратьева³. А.А. Паламарчук обращается к биографии Коуэлла как одного из цивилистов времени Якова I. Внимание автора обращено в сторону обозначения роли юриста в рамках борьбы двух систем права: общего и гражданского. При этом исследователь не ограничивается только «Толкователем», но обращается ко всему интеллектуальному наследию Коуэлла.

В 2018 г. была издана монография С.В. Кондратьева, в которой целая глава посвящена цивилисту. Автор предпринимает попытку реконструировать представления юриста о характере королевской власти, рассмотреть причины осуждения со стороны парламента и короля. Исследователь приходит к выводу, что ситуация вокруг «Толкователя» во многом была следствием внутривластного конфликта между королём и палатой общин, а Коуэлл был удобным примером для того, чтобы отстоять

---

¹ Кондратьев С. В. Английская революция XVII века: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., 2010. 192 с

² Паламарчук А.А. Понять «Толкователя»: дело Джона Коуэлла и полемика о юрисдикции церковных судов в раннестюартовской Англии // Средние века. 2015. Том 76. Вып. 3-4. стр. 101-121.

³ Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли?..» (Королевская власть и свобода подданных в парламентских дебатах и судебных тяжбах предреволюционной Англии). Тюмень, 2018. 196 с.

парламентские свободы и указать на превышение полномочий королевской власти.

Политико-юридический дискурс эпохи. Среди широкого круга отечественных исследователей отдельно стоит выделить О.В. Дмитриеву¹, А.А. Паламарчук², В.А. Томсинова³, С.В. Кондратьева⁴, К.Д. Москалёву⁵, Л. И. Ивонину⁶, Ю.И. Царёву⁷. В центре внимания плеяды этих исследователей

---

¹ *Дмитриева О.В.* «Честный Ламбард» И «германистическая» концепция древнего парламента // Вестник Оренбургского Государственного Ун-та. № 10 (116). 2010. С. 4-12; *Она же.* Корона и парламент: гармония и дисгармония дискурсов ритуальных речей в парламентах елизаветинской Англии // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2008. С. 469-494.

² *Паламарчук А.А.* Общее право, социопрофессиональная конкуренция в раннестюартовской Англии и пути формирования историографической традиции // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 114-121; *Она же.* Цивилисты в раннестюартовской Англии: юридическая корпорация в поисках национальной идеи // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 4. С.60-67; *Она же.* Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб.: Алетейя, 2015. 326 с.; *Она же.* «Kings by God's appointment»: проблемы монархической власти раннестюартовской эпохи в сочинениях лондонского антикварного общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2, вып. 2. С. 126-131; *Она же.* Дело графа Оксфорда и полемика о юрисдикциях в раннестюартовской Англии // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С.96-98; *Она же.* А.А. Лондонское антикварное общество и особенности антикварного дискурса // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2008. №7. С. 173-191.

³ *Томсинов В.А.* Модернизация политической системы Англии в XVI– первые десятилетия XVII в. // Вестн. РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. № 1. С. 95–108; *Он же.* Римское право в средневековой Англии // Античная Древность и Средние века. Проблемы социального развития. Издательство Уральского гос. ун-та Свердловск, 1985. С. 122–134; *Он же.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года: учебное пособие. М., 2010. 264 с.

⁴ *Кондратьев С.В.* Английские юристы накануне буржуазной революции // Правоведение. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990, № 4. С. 98-103; *Он же.* Парламент в политико-правовой мысли предреволюционной Англии // Правоведение. 1998. № 4. С.104-116.

⁵ *Москалёва К. Д.* Прерогатива как понятие и как символ власти в Англии в эпоху правления короля Якова I Стюарта // Церемония и ритуал в европейской истории. Сбор. ст. по материалам межвуз. науч. конференции. Отв. ред. П.Н. Лебедев. М., 2019. С. 103-116.

⁶ *Ивонина Л.И.* Шотландский период жизни Якова I Стюарта // Вестник Удмуртского Университета. Серия История и Филология. 2014. Вып. 3. С. 7-17.

⁷ *Царева Ю.И.* Древние Королевские прерогативы и парламент в XVI-XVII вв. Столкновение интересов // Англоведение в современной России. Колл. монография / Отв. ред. М.П. Айзенштат, Т.Л. Лабутина. Ин-т всеобщей истории РАН. М., 2018. С. 21-29.

находится история идей, права, парламента, королевской власти, а также корпорации юристов XVI-XVII вв.

Таким образом, отечественная историческая наука с целом следует опыту зарубежных учёных-коллег, акцентируя своё внимание на вопросах идейных противостояний эпохи ранних Стюартов. Обращение к отдельным личностям, представителям своей эпохи позволяет детально рассмотреть элементы функционирования отдельных институтов власти и общественных отношений, в том числе и властных, как например, королевскую власть.

Что же касается Джона Коуэлла, то очевидно, что во второй половине XX в. – начале XXI вв. проявляется интерес к его деятельности, как одного из апологетов сильной королевской власти времён первого Стюарта. Интерес во многом продиктован ревизионистским направлением в исторической науке и вниманием к истории идей и течений, нежели к сугубо событийным сюжетам.

Цель работы: проанализировать сочинение Джона Коуэлла «Толкователь» и обозначить место этого источника в контексте событий начала XVII в.

Цель определяет следующие **задачи:**

1. Выявить специфику жанра словаря, проследить, как развивалась лексикографическая традиция на протяжении веков и какое место в этой эволюции занимает «Толкователь».

2. Изучить исторический контекст издания словаря, а также судьбу автора – Джона Коуэлла.

3. Определить, через какие термины Коуэлл изображает королевскую власть.

Цель и задачи определили структуру выпускной квалификационной работы, которая состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка используемых источников и литературы.

Глава 1. «Толкователь» как часть лексикографической традиции

Словари в том виде, в котором они имеются сейчас, появились лишь в XVII в., однако жанр не возник сам по себе, ему предшествовала работа, которую проделали учёные на протяжении не одного десятка столетий. Лингвист Л.П. Ступин указывает, что в Англии истоки традиции восходят ко времени после христианизации¹, вполне понятна взаимосвязь изучения латыни и создания словарей. К познанию языка подталкивала необходимость понимания канонов церкви. Латынь была языком, который по праву считался межгосударственным и системообразующим в контексте формирования европейской идентичности. Латинский был языком церкви и науки.

М. Блок в знаменитой «Апологии истории» называет хронистов и юристов, которые приложили руку к созданию словарей, секретарями прошлого, поскольку именно благодаря им до нас дошли образцы культуры, которые могли либо выделяться на фоне остальных вещей, либо быть отражением сильной традиции². Словари не просто стали инструментом понимания прошлого в руках исследователей, но, как отмечает Д. Консидайн, они представляют собой первоисточники по социальной и культурной жизни общества, а характер использования цитат, построение текста, круг используемой терминологии – всё это имеет значение не только с точки зрения науки, но и культуры³. Познание словарей не является сферой исследования только со стороны филологии и лингвистики, но также оказывает влияние на изучение исторического контекста и идей современников рассматриваемых событий. Это тоже исторические источники в несколько непривычном виде, но которые были призваны «обеспечить единственную или самую раннюю запись редких,

---

¹ Ступин Л. П. Лексикография английского языка: учеб. пос. М., 1985. С. 51.

² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. Е.М. Лысенко. М., 1973. С. 90.

³ Considine J. English dictionaries as sources for work in English historical linguistics. P. 30.

неофициальных или региональных лексических статей»¹ или отдельных понятий, вызывающих непонимание или противоречия.

Такой вид литературы предполагает пояснения конкретных слов, взятых из разных документов, из устной речи; они могут располагаться в алфавитном порядке или же в последовательности, которую автор определил для себя. При этом чётких правил формы и содержания для данного вида работы, по крайней мере, на раннем этапе истории нет, поэтому Д. Зецел, специалист по латинской литературе, вполне справедливо замечает, что «словарь - самая аморфная и неуловимая из трех фундаментальных форм филологической науки»².

История этого жанра тесно связана с развитием латинского языка, а затем с проникновением его в жизнь европейского общества, закреплением, а также реализацией как языка науки, церкви и культуры на протяжении всего средневековья. Лексикографическая традиция насчитывает более двух тысяч лет.

Искусство создания словарей берёт начало в римскую эпоху. Ко времени императора Августа относится составление Марком Веррием Флакком обширного словаря, который частично сохранился под названием «О значении слов» (*De verborum significatu*) после сокращений Фестом и Павлом Диаконом. В нём соблюдается алфавитный порядок в начале, но в конце содержание похоже на спонтанную компиляцию, которую автор по какой-то причине не смог привести в порядок. Здесь объяснялись сложные слова и отдельные моменты религиозных и юридических практик³. К этому же времени относится «*De verborum quae ad jus relevant significatione*» Гая Элиуса Галлюса. Оба источника отличают незавершённость работы.

Определённым этапом в рамках лексикографической традиции можно считать деятельность Нония Марцелла, римского грамматика начала IV в.

---

¹ *Considine J.* English dictionaries as sources for work. P. 30.

² Он выделяет три формы филологической науки: грамматику, комментарии и словарь. См.: *Zetzel J.E.G.* Critics, Compilers, and Commentators. P. 95.

³ *Ibid.* P. 96-97.

Его работа - «*Noni Marcelli Peripatetici Tubursicensis de Conpendiosa Doctrina ad filium*» - это список слов, которые сопровождаются краткими комментариями. Слова разделены на категории и связаны с лексикой, грамматикой, религией, обыденными вещами вроде цветов, пищи и т.д. Всего 20 книг, одна была утеряна. Словарь отличается алфавитизированная структура, а также наличие выдержек из авторов, чьи труды были утеряны¹.

По большей части указанные выше работы были призваны объяснить «трудные» слова латинского происхождения, хотя иногда встречаются и заимствованные. Порой представленное определение могло носить отпечаток собственных суждений автора, быть его изобретением. Эта традиция перебирается и в практику составления глоссариев².

«Глосса» имеет несколько значений. Это «семантизация неясного слова или словосочетания прямо в тексте рукописи»³. Как указывает Д. Зецел, в изначальном греческом употреблении она подразумевала слово, его вариации или словосочетание. Затем глосса стала обозначать необычное слово, которое нуждалось в объяснении, а также само объяснение. Комментарии делались на полях рядом с непонятым местом текста, при этом пометки могли быть на одном языке с источником, а могли быть на иностранном⁴. Глоссы, объединяясь, формировали глоссарии – совокупности непонятных и трудных слов или словосочетаний. Первые глоссарии были не просто списками, а компиляциями, которые могли принимать разные формы и отличаться информацией содержания: базироваться на одном источнике или авторе, или же быть сборником из нескольких трудов; придерживаться алфавитного порядка или же тематического⁵. Создание подобного труда было сложным и длительным процессом, так как подразумевало обработку

---

¹ *Zetzel J.E.G. Critics, Compilers, and Commentators. P. 98-99.*

² *Considine J. English dictionaries as sources for work. P. 31.*

³ *Ступин Л. П. Лексикография английского языка. С. 52.*

⁴ *Sauer H. Glosses, Glossaries, and Dictionaries in the Medieval Period // The Oxford History of English Lexicography / Ed. by Cowie A. P.. Oxford: Clarendon Press. 2009. Vol. I. P. 21.*

⁵ *Zetzel J.E.G. Critics, Compilers, and Commentators. P. 101.*

автором большого количества информации, а также обращение к специальным работам, позволяющим дать дефиницию.

Как только обращение к латыни на территории Британских островов стало систематическим явлением, а скриптории стали обычным делом при монастырях, можно говорить о появлении местных глоссариев. Англосаксонское общество характеризуется устной передачей информации. Элементарная грамотность были введены здесь христианскими миссионерами с конца VI в. и в основном распространялась на духовенство, но даже на закате средневековья многие люди все еще не умели читать и писать¹.

Наиболее известными глоссариями англо-саксонского периода, дошедшими от VIII-IX вв. являются «Corpus Glossary», «Leiden Glossary», «Epinal Glossary», «Erfurt Glossary». Самый первый из перечисленных хранится в библиотеке одного из колледжей Кембриджского университета и содержит в себе более 2 тыс. глосс, расположенных в хаотичном порядке.

«Лейденский глоссарий» являет собой не только набор глосс из разных источников, но также даёт представление об истории формирования английского языка. Здесь множество понятий из ранних источников англосаксонской истории². Большинство глосс на латинском языке, но 250 на английском; из 48 глав 19 включают ссылки на Библию, а остальные – это обращение к античным и средневековым авторам³.

Но словарь всё-таки отличается от глоссария тем, что предоставляет больше информации. Современные словари помимо грамматической нормы и значения дают информацию по произношению, иногда приводят примеры в предложениях, взятых из литературных произведений, в то время как глоссарии лишь уделяли внимание только пояснению, иногда приводя иностранный эквивалент⁴.

---

¹ *Sauer H.* Glosses, Glossaries, and Dictionaries in the Medieval Period. P. 18

² *Zetzel J.E.G.* Critics, Compilers, and Commentators. P. 109.

³ *Lapidge M.* The Anglo-Saxon library. P. 33.

⁴ *Sauer H.* Glosses, Glossaries, and Dictionaries in the Medieval Period. P.21-22.

Большое значение для английского материала играет наследие аббата Эльфрика (конец X в.). Это комплекс, состоящий из Грамматики -«Grammar», Словаря – Glossary и Произношения – «Colloquy»¹. Тексты были ориентированы на тех, кто только начинает знакомиться с латинским языком и его понятиями. Уникальность «Грамматики» заключается в том, что она двуязычна, т.е. латинские правила доносились через объяснение на старом английском языке. Его сочинение было довольно популярно в XI в., даже до начала XIII в. появлялись новые издания².

Но латынь не была единственным языком, к которому приходилось обращаться жителям Англии. После норманнского завоевания изучение французского стало приоритетным направлением. Так в 1200 г. Александр Некхам издал латинско-французско-английский словарь под названием «О названиях предметов утвари». Из названия понятно, что он посвящён описанию быта; внутри разделён по темам пищи, мебели, ведения хозяйства и т.д.³.

Вплоть до XV в. роль и значение латыни в Англии росло, выходили новые глоссарии, язык проникал во всё большее количество сфер человеческой общности. Глоссографы со временем от создания списков со сложными терминами всё больше переходили к системному изучению латинских текстов, которые сводились не к простому толкованию, а к составлению полноценных двуязычных параллельных словарей⁴. Так в первой половине XV в. увидели свет сразу несколько подобных работ. Согласно хронологии Габриеля Стейна, в период с 1430 по 1500 гг. в Англии было издано шесть англо-латинских словарей: 1430 г. – «Hortus vocabulorum», 1440 г. – «Promptorium parvulorum», ок. 1460 г. – «Medulla grammaticae», 1483 г. – «Catholicon Anglicum», 1499 г. – «Promptorium

---

¹ *Ступин Л. П.* Лексикография английского языка. С. 53.

² *Sauer H.* Glosses, Glossaries, and Dictionaries in the Medieval Period. P.34.

³ *Ступин Л. П.* Лексикография английского языка. С. 54.

⁴ Там же.

parvulorum» (печатное издание), 1500 г. – «Ortus vocabulorum» (печатное издание)¹.

«Promptorium parvulorum» насчитывает около 12 тыс. записей, которые делятся на две группы: первая – существительные и другие части речи; вторая – глаголы². Здесь также присутствуют мысли и самого автора по различным понятиям. «Medulla grammaticae» - это глоссарий 17 тыс. латинских слов, которые истолковываются с привлечением английских аналогов³. «Catholicon Anglicum» или «Всеобщий английский» содержит несколько меньше понятий, по сравнению с предыдущими работами, но соблюдается алфавитный порядок, отсутствует деление на части речи. Примечательно, что здесь латынь поясняет английское слово, а не наоборот⁴.

Все эти глоссарии были рукописными, одним из первых напечатанным изданием был «Ortus vocabulorum» или «Сад слов», который содержит в себе около 27 тыс. понятий и много материала с привлечением английских и латинских эквивалентов. Здесь же присутствуют указания склонений существительных и прилагательных, спряжения глаголов, чего ранее не наблюдалось в подобных источниках⁵.

На этом этапе ещё сложно говорить о том, что именно изучение собственного прошлого, некие национальные идеи стояли за обращением к античным источникам. Первые английские издания, вписывающиеся в лексикографическую традицию, скорее развивались в рамках общеевропейского обращения к латыни с целью создания прочных связей в корпорации юристов и учёных того времени. Латынь была европейским языком, и для её постижения было необходимо искать способы приобщения к данной культуре речи и письма. Глоссарии и словари были инструментом для студентов и клириков в этом деле.

---

¹ Правда, сам автор указывает, что есть и другие приблизительные датировки источников. См.: *Stein G. The English dictionary before Cawdrey. P.76-77.*

² *Ступин Л. П. Лексикография английского языка. С. 55.*

³ *Sauer H. Glosses, Glossaries, and Dictionaries in the Medieval Period. P. 36.*

⁴ *Ступин Л. П. Лексикография английского языка. С. 55.*

⁵ Там же. С. 55-56.

Но «чтобы получить доступ к закону, нужно сначала познать лингвистический канон, который его обволакивает»¹. Не смотря на то, что законы – это та вариация текста, которая менее всего стремится к красоте повествования, тем не менее, они обязаны быть лаконичными и понятными широкому кругу людей. Законы выражены словами; слова в таком случае - инструмент законодателя и юриста. Правовая культура везде имеет свои особенности, порой связанные с уникальностью языка. Поэтому на этот аспект следует обращать пристальное внимание для верного толкования права.

Новый этап в истории словаря в Англии начинается с XVI в., это время местного Ренессанса. В рамках лексикографии это было время постижения философии, расширения уже имеющихся материалов, а также обращения к прошлому, что нашло отражение в издании памятников греческого и римского наследия, а также появлении работ по английской истории. Ко времени Генриха VIII относится издание двух словарей, ориентированных на юристов: Джону Палсгрейву принадлежит создание первого двуязычного англо-французский словарь в 1530 г. Томас Элиот издал первый латино-английский словарь в 1538 г.

Труд Элиота представляет собой перевод латинских слов и фраз на английский язык и зачастую не подразумевает погружения в этимологию. Слова расположены в алфавитном порядке, иногда прерывая который автор даёт частные толкования в рамках одного понятия. Именно Элиот впервые применил слово “dictionary” к подобному сочинению². В словаре имеется большое количество цитат из сочинений предшественников. Труд Элиота был весьма популярен, поэтому неоднократно переиздавался на протяжении XVI в. Исследователь Л. П. Ступин указывает, что этот словарь имел важное значение для современников в силу нескольких принципиальных отличий от

---

¹ *Lancashire I., Damianopoulos J. The Early Modern English Law Lexicon // Legal Lexicography: A Comparative Perspective / Ed. by Máirtín Mac Aodha. (Law, Language and Communication series). Farnham: Ashgate, 2014. P. 1.*

² *Ступин Л. П. Лексикография английского языка. С.56.*

предыдущих работ. Это 1) стремление включить в текст как можно больше понятий, 2) попытки дать их грамматические характеристики, 3) использование цитат из источников, а также указаний на авторов, 4) строгое расположение в алфавитном порядке, 5) стремление сочетать в словаре сразу несколько направлений – энциклопедическое, историческое и литературоведческое¹. Новые издания появились в 1542 и 1545 г., а также в 1548 г. с существенными дополнениями от Томаса Купера². Значение этих текстов еще более подчеркивает тот факт, что даже английские лексикографы XVII в. часто обращались к Элиоту и Куперу.

Словари стали применяться широко в учебных заведениях. Авторы также были поддержаны королём, поскольку юристы в своей практике сталкивались с проблемами документации, судьям приходилось писать на французском языке, реже на латыни. Необходимо было обучить всех излагать дела на одном языке. Исследователи отмечают, что в XVI в. словари появлялись не из-за потребности, исходящей снизу (хотя, она, безусловно, ощущалась), а благодаря заинтересованности из высших кругов и покровительству короля³.

Д. Консидайн указывает, что внимание к античному наследию, а также к его переработке в средние века в Англии особо не наблюдалось. Учёные не делали записей, возможно, из-за того, что многие библиотеки не имели в своих хранилищах манускриптов. То, что имеется там на данный момент, было приобретено в XVII в. Интересно, что литература, которой пользовались в университетах, была на латыни, что также отчасти объясняет отсутствие внимания к национальному языку в XV-XVI вв.⁴

Обращение к собственному прошлому, в том числе и языковому, происходит после реформации. Среди первых объектов внимания

---

¹ *Ступин Л. П.* Лексикография английского языка. С. 57-58.

² *Stein G.* Introduction // *The English Dictionary from Cawdrey to Johnson 1604–1755 (Studies in the History of the Language Sciences series)* / Ed. by *Starnes DeWitt T., Noyes G. E.* Amsterdam, 1991. P. 4.

³ *Lancashire I., Damianopoulos J.* *The Early Modern English Law Lexicon.* P. 35.

⁴ *Considine J.* *Dictionaries in Early Modern Europe.* P. 157.

современников была староанглийская поэзия. Так в середине XVI в. вышло несколько глосс под названием «Книга Эксетера». Автором был Лоуренс Новелл, он же, к слову, издал «Беофульфа». В это же время появляется «рукопись Кедмона» - одна из англосаксонских хроник¹.

Джон Леланд был одним из первых, кто стал изучать ранние документы на английском языке. Его можно отнести к той категории людей, которые считали себя наследниками ранней культуры, поэтому старались её всячески к ней приобщаться. Так со временем за ним закрепилось даже звание «отец местной истории и библиографии»². Леланд сделал довольно много и для местной топографии, но в рамках лексикографической истории примечателен его «Новогодний дар» 1544 г. Это письмо королю Генриху VIII, в котором Леланд рассказывает о своих попытках сохранить знания в книгах, а также о своих планах выпустить сразу несколько работ, посвящённых биографиям знаменитых английских писателей, издать историю Англии и Уэльса. Как топограф, он хотел создать карту, на которой бы зафиксировал древние памятники. Его работа с текстами «дала импульс к восстановлению средневекового наследия Англии»³. Его также характеризует желание готовить учёных на родине, чтобы студенты лучше воспринимали материал местной истории и культуры. В планы Леланда входило создание генеалогической, исторической, топографической и лингвистической работ: так, например, «*De nobilitate britannica*» – для описания всех прославленных семей королевства.

Приемниками Леланда вполне можно считать Уильяма Ламбарда и Лоуренса Новелла, которые, используя заметки своего предшественника, продолжали его дело. Им принадлежит издание старых законов Англии⁴. Их попытки изучения топонимического словаря Леланда можно считать началом

---

¹ *Considine J.* Dictionaries in Early Modern Europe. P. 158-159.

² *Ibid.* P. 159.

³ *Ibid.* P. 160.

⁴ *Ibid.* P. 163.

специализированной лексикографии¹. Но к этому времени так и не существовало общего словаря английского языка. Староанглийскую лексику можно было изучать по Глоссарию Эльфрика, но о современном состоянии языка никто не задумывался. В это время исследователи обращаются к шотландской традиции, поскольку считалось, что здесь сохранили в своём языке больше англо-саксонского наследия в силу того, что саксы после норманнского завоевания бежали именно сюда. Обращаясь к шотландскому языку, удалось в скором времени издать «*Archaionomia*» – свод англо-саксонских законов под редакцией Лоуренса Новелла². Он также во второй половине XVI в. работал над словарём старого английского языка «*Vocabularium saxonicum*». Издать его при жизни автор не успел, но текст набросков попал в руки Уильяма Ламбарда, который дополнив его, намеревался издать, что также не получилось. Словарь характеризуется наличием около 6,5 тыс. старых слов, которые были связаны с разными сферами применения. Здесь представлены разделы, посвящённые личностям и изданиям, городам, деньгам и т.д. Есть раздел об Ирландии, в котором автор пытается проследить отношения с шотландцами; есть размышления и о культуре³. Но, хоть и «*Vocabularium saxonicum*» не был издан, к этому документу обращались по причине большого количества толкуемых слов, активного использования источников, а также «живости» языка словаря, в котором сухие формулировки перекликаются с мыслями составителей.

Следует также отметить вклад Джона Джосселина, создавшего собственный словарь старого английского языка. Безусловно, он использовал достижения своих предшественников, но его труд был значительно объёмнее предыдущих. Здесь около 22 тыс. записей, староанглийские слова имеют латинский эквивалент, а также объяснение на современном ему английском. Его отличает систематическое использование ссылок, следование

---

¹ *Considine J.* Dictionaries in Early Modern Europe. P. 164.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* P. 165.

алфавитному построению¹. Правда и он свой труд не смог опубликовать при жизни.

Отдельно поговорить о вкладе юристов и первых юридических словарях. «Ни одна профессия не способствовала более глубокому пониманию английского языка в ранний период современного английского языка, чем юриспруденция»².

Первым среди английских юристов словарь выпустил Джон Растелл в 1523 г. - ««Expositiones terminorum legum Angliae». Здесь термины французского лексикона переводятся и трактуются на английском языке. Его словарь служил студентам судебных учреждений, которые ещё плохо знали французский язык юриспруденции. Растелл был среди тех гуманистов времён Генриха VIII, которые отстаивали идею публикаций сочинений на английском языке. Словарь содержит 165 непонятных и сложных терминов, связанных с законами; большинство понятий юридического характера, такие как «измена», «арест», «честь» и т.д. Объяснения исходили из практического применения и были на английском и французском языках³. Его словарь выдержал 27 изданий вплоть до 1685 г.⁴, на него ссылались все последующие лексикографы английского права. Но Д. Консидайн отмечает, что он не был представлен публике в качестве научного словаря, а скорее был попыткой национального уровня взбудоражить интерес к познанию законов королевства⁵.

Подводя промежуточный итог времени правления Генриха VIII отметим, что в этот период сразу несколько учёных были обеспокоены проблемами сохранения и передачи культурного наследия, в том числе и правового и лингвистического. Внимание к национальному прошлому побудило окунуться в библиотеки в поисках собственной истории и

---

¹ *Considine J.* Dictionaries in Early Modern Europe. P. 168.

² *Lancashire I., Damianopoulos J.* The Early Modern English Law Lexicon. P. 31.

³ *Ibid.* P. 31-33.

⁴ *Ibid.* P. 37.

⁵ *Considine J.* Dictionaries in Early Modern Europe. P. 174.

биографий её деятелей. Язык стал инструментом познания, способом реконструкции событий. Этому также способствовали религиозные противоречия, фокус Возрождения на литературе древности и появление в Вестминстере печатного станка.

При Елизавете I важной личностью в сфере лексикографии является Уильям Кэмден. Его с детства отличал интерес к памятникам прошлого. Большое значение на него оказало знакомство с Авраамом Ортелием, известным картографом. Кэмден много путешествовал, изучал древние языки. Главной его работой является «Британия» 1586 г. Кэмден также важен своей ролью в создании Лондонского антикварного общества. На начальном этапе своей деятельности оно было неформальным объединением, члены которого занимались поиском английских древностей. Периодически собираясь, они каждый раз избирали новую тему для следующей встречи и обсуждения¹. Основное внимание членов общества было сфокусировано на изучении, публикации различных источников письменного характера по истории Англии, среди которых трактаты, летописи, переписки и др.². Многие участники сами были практикующими юристами или имели юридическое образование, полученное в университетах или в судебных Иннах³. Не смотря на определяющее значение, которое имела деятельность этого объединения, общество получило законный статут после дарования королевской хартии только в XVIII в.⁴.

К началу XVII в., как указывает Л. П. Ступин, ощущалась потребность не только в толковании иностранной лексики, но и английских трудных слов⁵. Причин было несколько. Например, возникали сложности в связи с введением авторами в оборот английской речи латинских и греческих слов;

---

¹ Паламарчук А. А. Лондонское антикварное общество и особенности антикварного дискурса. С. 174.

² Там же.

³ Паламарчук А. А. Общее право, социопрофессиональная конкуренция в раннестюартовской Англии и пути формирования историографической традиции. С. 117.

⁴ Паламарчук А. А. Лондонское антикварное общество и особенности антикварного дискурса. С. 175.

⁵ Ступин Л. П. Лексикография английского языка. С. 59.

часто использовали слова англо-саксонского периода, которые также не были всем понятны. Были ещё и заимствования из других языков. Всё это делало необходимым толковать такие слова даже для тех, кто был носителем английского языка¹.

Первым из подобных в Англии был толковый словарь Роберта Кодри 1604 г. Он создавался для преподавания значений и правил орфографии трудных слов и содержал в себе слова древнееврейского, греческого, французского, латинского происхождения, которые уже были в английском обиходе. Кодри можно считать первым, кто сделал акцент на английском языке, а не на переводе иностранных слов. Но дефиниции не носят характер чётких и ёмких определений, так как присутствуют его собственные размышления о причинах появления того или иного значения термина. Понятия могут быть представлены либо короткими аналогами, либо превращаются в несколько предложений объяснения. Здесь около 2,5 тыс. значений, которые выстроены в алфавитном порядке².

Ко времени Джона Коуэлла (1554-1611) интерес не только к истории языка, но и к праву Англии постепенно сформировался. «Толкователь» 1607 г. относится к лексикографической традиции и представляет собой словарь, содержащий преимущественно правовую терминологию. Это был «первый действительно спорный английский словарь»³.

В предисловии Коуэлл просит от читателя снисхождения за допущенные им ошибки. Вот что содержит в себе введение, датированное 3 ноября 1607 г.: «Благовоспитанные читатели, здесь я предлагаю себя к вашим обсуждениям, без всякого иного стремления, чтобы (вы – М.К.) были предупреждены о моих ошибках»⁴. Он признаёт, что «не настолько тщеславен, чтобы отрицать мои недостатки, и не настолько вспыльчив, чтобы обижаться на ваше великодушное исправление. Нет, моя

---

¹ *Ступин Л. П.* Лексикография английского языка. С. 59-60.

² Там же. С. 60-61.

³ *Considine J.* Dictionaries in Early Modern Europe. P. 174.

⁴ *Cowell J.* To the Readers // *The Interpreter.* 1607.

истинная цель – это продвижение знаний; и поэтому я опубликовал эту скудную работу, не только для того, чтобы передать эти знания молодым, что хотят этого; но также для того, чтобы черпать (их – М.К.) из усвоения набора моих ошибок...»¹. «Ни один человек, ни одна книга не лишены недостатков». Как он сам указывает, в «Толкователе» соединены «воедино законы обоих прав, показывая, что они оба выстроены на одном основании, и разница больше в языке и терминах, чем в содержании»². Коуэлл упоминает, что время, отведённое им для изучения данной темы, было связано с большими трудностями, и поэтому он сделал недостаточно для разработки этого дискурса. «Одна вещь, которую я сделал в этой книге, что может казаться затруднительным для некоторых ... и это есть вставка не только слов, принадлежащих искусству закона, но также и любых других, которых я посчитал непонятными ... как рыба, одежда, приправы, травы, меха и тому подобное. В этом я следую примеру наших цивилистов, что думали, что их участь – разъяснить любую вещь, которую они могли встретить во время своей прогулки»³. И на деле юрист «исповедует истинную философию, а потому не должен быть невежественен (если бы это было возможно) ни о зверях, ни о птицах, ни о ползучих вещах, ни о деревьях из кедра в Ливане, ни о иссопе, выходящем из стены»⁴. «И поэтому, если я опустил любое трудное слово внутри моего трактата или оставил его не истолкованным, я даю вам разрешение приписать это к моей небрежности или же невежеству»⁵.

«Толкователь» был опубликован в Кембридже Джоном Легатом. Тираж издания составлял порядка 800 штук⁶. Это было издание, страницы которого составляют 1/8 долю листа, без нумерации. Напечатан текст в двух колонках в алфавитном порядке. В начале представлено посвящение Богу, а также архиепископу Кентерберийскому – Ричарду Банкрофту, что, по словам

---

¹ *Cowell J. To the Readers // The Interpreter. 1607.*

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Паламарчук А.А. Понять «Толкователя». С. 116.*

Коуэлла, взвалил на него ношу по написанию этого труда, который будет служить студентам.

«Толкователь» - это словарь, который включает в себя термины не только английского происхождения, но также латинские, французские, англосаксонские слова. Причём Коуэлл не переводит их, а пытается скорее описать, найти сравнение с общеизвестными формулами своего времени. Примечательно то, что данный источник сложно рассматривать чисто как юридический труд, поскольку он содержит в себе множество отступлений от права. Здесь мы можем встретить весьма обширный перечень терминов, связанных с бытом, ведением хозяйства т.д. Например, много внимания Коуэлл уделяет видам шерсти и разновидностям животных. Можно также встретить упоминания различных монет, мер весов, указания на праздники, обряды, ордена и многое другое. Впрочем, автор сам объясняет это следованием традиции, а значит, вполне вписывается в рамки жанра словаря своего времени.

«Толкователь» Коуэлла выделяется на фоне других подобных работ двумя особенностями. Это активное использование цитат, а также сложность семантического описания. Обычно исследователи указывают Сэмюэля Джонсона как одного из первых, кто стал использовать цитаты систематически, хотя есть некоторые споры о том, создал ли он исторический метод, то есть расположение цитат в хронологическом порядке со ссылкой на семантическое развитие¹. Коуэлл же часто обращается к авторитетам, порой включая в основном цитаты на латинском языке из первоисточников.

Термины алфавитизированы, порядок практически везде соблюден². В «Толкователе» встречаются глаголы, существительные, прилагательные,

---

¹ Stone J. John Cowell's Interpreter. P. 123.

² Исключение составляет раздел под буквой «O», где алфавитный порядок нарушается. После терминов "ortelli" и "osmonds" следует "oath of the king". Но здесь эта перестановка может быть оправдана тем, что «клятва» - "oath" иногда даже в тексте источника приводится как "oth". В таком случае алфавитная последовательность

наречия, иногда встречаются целые фразы, заимствованные преимущественно из латыни и связанные с юридической практикой. Иногда Коуэлл указывает, к какой части речи относится то или иное слово, но это не стало обязательным условием для всех дефиниций.

Порой юрист не просто рассуждает о природе того или иного понятия, показывая эволюцию его значений, но и выделяет разновидности, как например, в случае с толкованием «ассизы»¹ и каждой из них посвящает свой абзац. Как указывает Д. Стоун, у Коуэлла «строится иерархия смыслов»². Причём исследователь подмечает, что подобная манера изложения материала является новаторской, поскольку первый английский универсальный словарь, в котором использовались отдельные пронумерованные определения - «Lingua Britannica Reformata» Бенджамина Мартина, опубликованный в 1749 году.

Коуэлл стремится создать ёмкие, но информативные определения, не старается преподносить лишнюю и ненужную информацию. Помимо толкования, автор видит свою цель в объяснении происхождения понятия, поэтому часто можно увидеть фразы вроде «происходит от фр.», «пришло из лат.», «древнесаксонское слово» и т.п. Отличительной особенностью словаря в контексте эпохи является попытка Коуэлла предоставить синонимичные значения для терминов общего права. Поэтому в тексте встречаются фразы «у цивилистов», «у знатоков общего права», которые призваны показать близость некоторых определений из разных правовых систем.

В «Толкователе» можно встретить нечто похожее на сленг. Например, есть определение «египтян» - “Egyptians”³. Правда здесь это не народ, а бродяги, которые скитаются по земле и различными ухищрениями обворовывают людей. Или весьма знакомое нам «амбидекстр» -

---

сохраняется. Также заметка о Уильяме Стенфорде (“Stawford») расположена не в том месте, где согласно алфавитной последовательности должна быть.

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Assise”.

² Stone J. John Cowell’s Interpreter. P. 124.

³ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Egyptians”.

“Ambidexter”¹. Но это не тот, кто владеет обеими руками в равной степени функциональности и скорости, а тот, кто берёт в ходе судебного разбирательства взятки и со стороны истца, и со стороны ответчика. Или, например, слово “Frenchman” использовалось не в значении «француз», а «для обозначения каждого иностранного человека»².

Порой толкования терминов у Коуэлла превращаются в целые статьи, в которых он не только даёт различные значения, но и иногда пытается обратиться к истории. Яркий пример – определение «Ордена подвязки»³. Рассказывая, как орден получил такое название, он упоминает, что произошло это при Эдуарде III во время одного из пиршеств, и далее он рассказывает историю про подвязку, упавшую во время танца. При этом, ссылаясь на Полидора Вергилия, Коуэлл отмечает, что измышления его предшественника строились на вульгарном мнении, но, тем не менее, приводит эту легенду, поскольку прочитал об этом. И это не единственный пример, когда юрист указывает на своё несогласие с приводимой точкой зрения, хотя и добавляет такие дефиниции в свой словарь.

В 1637 г.⁴ «Толкователь» был вновь опубликован почти⁵ дословно с идентичным шрифтом, размером под изданием Уильяма Ширеса в Лондоне⁶. Он же выпустил значительный объём литературы того времени. Известно, что ещё одна публикация словаря была в 1658 г. почти в первоначальном виде, правда, неизвестно, кто был инициатором этого процесса; авторство печатания принадлежит Фрэнсису Личу. Позднее «Толкователь» был издан в 1672 г., когда при Карле II начат курс на свободу печати, затем в 1684 г.⁷.

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. “Ambidexter”.*

² *Ibid. “Frenchman”.*

³ *Cowell J. The Interpreter. 1637. “Garter”.*

⁴ *Cowell J. The Interpreter: or booke containing the signification of words: wherein is set forth the true meaning of all, or the most part of such words and termes, as are mentioned in the Laws Writers, or Statutes of this victorious and renowned Kingdome, requiring any exposition or interpretation. London, 1637.*

⁵ Разница заключается в орфографии, поскольку за 30 лет нормы написания слов успели измениться.

⁶ *Hicks F.C. Men and Books Famous in the Law. P. 47.*

⁷ *Ibid. P. 51.*

Ещё одно издание было произведено уже в самом начале XVIII в. В 1701 г. «Толкователь» был опубликован Уайтом Кеннеттом, который занимался изучением дел церкви¹. Он выступил как редактор издания. Будучи ярким роялистом, Кеннетт написал обширное предисловие к словарю, где очень уничижительно высказался обо всех, кто выступал против Коуэлла в начале XVII в. Ещё два издания вышли при жизни Кеннетта – в 1708 г. (идентичен 1701 г.) и в 1727 г.². По сути, вся дальнейшая история «Толкователя» после 1637 г. - это описание того, как редакторы меняли или вступительное слово юриста, или дополняли и изменяли понятия.

Коуэлл использовал значительный объём источников. Особое место среди них занимают статуты и указания на законы королевства. Ссылки на них оформлены так: anno 14. Ed. 3. stat. 1. cap. 9 (отсылает к первому статуту 14-го года правления Эдуарда III, статье, посвящённой сотням³). Большую часть ссылок составляют обращения к различным трактатам его предшественников, правда в основном к средневековым авторам – особенно к Бракtonу⁴. Помимо него Джон Коуэлл цитировал или отсылал к работам судей, дипломатов, юристов. Среди них можно выделить Уильяма Оккама, Джона Фортескью, Томаса Литтлетона, Антони Фицгерберта, Кристофера Сен-Жермана, Полидора Виргилия, Джона Растелла, Эдмунда Плоудена, Франсуа Отмана, Томаса Смита, Уильяма Ламбарда, Уильяма Стенфорда, Уильяма Кэдмена, Эдварда Кока, Джона Менвуда и др. Многим из перечисленных авторов он посвящает небольшие статьи. Например, Генри Брактона он характеризует как «известного юриста этой земли, известного своими знаниями, как в общих, так и в гражданских законах»⁵. Или о

---

¹ *Hicks F.C.* Men and Books Famous in the Law. P. 53.

² *Ibid.* P. 54.

³ *The Statutes of the Realm.* Vol. 1. L., 1817. P. 284.

⁴ *Coquillette D.* Legal Ideology and Incorporation I. P. 74.

⁵ *Cowell J.* The Interpreter. 1607. “Bracton”.

Фортескую он указывает, что тот «написал книгу в похвалу нашим общим законам»¹.

Странно, что авторы издания «*Legal Lexicography A Comparative Perspective*» уделили Коуэллу всего страницу текста, обозначив больше не его вклад в развитие лексикографической традиции, а только указав некоторые моменты, связанные с судебным разбирательством вокруг «Толкователя». Упоминается ещё то, что в этом сочинении крайне мало от самого автора, а много ссылок и цитирования². С другой стороны, многие исследователи словарей вообще не включают Джона Коуэлла в историю лексикографии. Он находится где-то между историей и лингвистикой, при этом выпадает из внимания специалистов и той, и другой наук.

Р. Гемхольц именует сочинение Коуэлла «рабочей литературой»³, которая подразумевает отсутствие в тексте полемических материалов и предполагает нацеленность на практикующих юристов. Цель словаря в этом случае – популяризаторство гражданского права в Англии.

«Толкователь» является, с одной стороны, привлекательным историческим источником. Понятия здесь тесно связаны с юридическими практиками своего времени. Работа с цитатами даёт представление о том круге источников, которые были задействованы автором, а соответственно, можно составить приблизительный интеллектуальный портрет юриста гражданского права начала XVII в. Перечень используемой терминологии позволяет реконструировать не только характер судебных и политических процессов времени первого Стюарта, но также обрисовать историю быта через понятия, выходящие из разряда юридических. Отдельные сюжеты с попытками проследить этимологию дают представление о том уровне знаний прошлого, которыми обладали современники издания словаря.

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Fortescue".*

² *Lancashire I., Damianopoulos J. The Early Modern English Law Lexicon. P. 36.*

³ *Hemholz R.H. Roman Canon Law in Reformation England. Cambridge, 1990. P. 121.*

Но с другой стороны, выбранная Коуэллом форма источника ставит ему пусть и не строгие, но всё же рамки. Определения, во всяком случае большинство, представлены кратко. Если вообразить возможные варианты эссе вне страниц словаря, то они были бы значительно больше по объёму и заложенному смыслу и походили бы на трактаты, лучше раскрывая позицию автора. Кроме того, словарь – это более публичный источник, нежели, например, мемуаристика. Такой вариант изначально предполагает нацеленность на широкий круг читателей, а в случае Джона Коуэлла – на публичное обсуждение и осуждение.

«Толкователь» отлично вписывается в свою эпоху и является продуктом интеллектуальной жизни начала XVII в., который вобрал в себя все достижения лексикографической традиции, которые на тот момент уже использовались. Коуэлл создал один из самых интересных памятников даже не столько потому, что изучил повседневные практики юридической науки своего времени, но и потому, как издание этого документа отражало сюжеты оппозиционной борьбы с королевскими прерогативами в годы правления Якова I.

Глава 2. Джон Коуэлл и исторический контекст

Начало правления династии Стюартов ознаменовалось активной фазой сразу нескольких политических и идеологических дискурсов. Они вращались вокруг трёх основных вопросов: о характере абсолютной власти короля, о взаимоотношениях монарха и парламента, о функционировании системы права в Англии. Деление это весьма условно, так как все они были взаимосвязаны. Многие современники высказывались по этим вопросам, в том числе Джон Коуэлл. Судьба юриста гражданского права, в том числе и издание «Толкователя», тесно переплетены с теми внутривластными конфликтами, которые назревали достаточно долго. Поэтому необходимо обратиться к историческому контексту событий начала XVII в. и раскрыть причины, по которым «дело Джона Коуэлла» получило большой резонанс.

У. Холдсуорт вполне справедливо отмечает, что отсутствие оформленной государственной идеологии при Елизавете привело к множеству противоречий, вскрывшихся во времена Якова I Стюарта¹. В елизаветинской Англии можно найти самые разнообразные теории, которые опирались на античную и средневековую политическую философию. Так О. В. Дмитриева указывает, что официальная концепция королевской власти сочетала в себе элементы сакрализации персоны властителя, представления о божественном происхождении монаршей власти, в то же время идеи ограничения и подотчётности не только Богу, но и подданным². Эти противоречивые элементы находили выражение сразу в нескольких концепциях, но в конечном итоге к началу XVII в. не было чётко зафиксировано ни положение короля, ни положение парламента, ни права народа. Все попытки обозначения границ возможностей были относительными; терминология, используемая юристами, не была систематизирована и не имела единого образца. Отсутствие чётко зафиксированного в документах статуса короны порождало противоположные точки зрения, что в совокупности со спорными

---

¹ *Holdsworth W. S. A History of English Law. Vol. 6. P. 20.*

² *Дмитриева О.В. Корона и парламент. С. 472.*

моментами политики Якова перерастало из юридических дебатов в активную борьбу на уровне парламента.

Мнение о том, что королю свойственен «абсолютный и неограниченный, священный и непреложный авторитет»¹, в целом, не вызывало споров и было признано и юристами общего права, и цивилистами. Правда, что конкретный автор подразумевал под этим понятием не совсем ясно. В эпоху первых Стюартов не сложилось единого мнения, что именно считать абсолютной монархией. Это понятие развивалось на протяжении не одного десятка лет, поэтому, как указывает Дж. Дели, оно обладает широким спектром смыслов, что только добавляет сложностей для исследователей в рамках реконструкции интеллектуальной жизни прошлого². Но вопрос стоял не столько в характеристике абсолютизма, а сколько в значении, которое было в него вложено. Абсолютная власть значит независимая власть, которая происходит от Бога и проявляется в управлении, в атрибутах и таинствах. Но при этом даже в трудах современников нет указания на то, что абсолютный подразумевает «стоящий над законом»³. Король не олицетворял в себе самом государство как таковое, а был его частью, в единстве с тремя сословиями он образовывал тот политический союз, который и был государством в полном смысле слова⁴. И это отчасти может быть подтверждено тем, что во второй половине XVI - первой половине XVII вв. происходит переход от «монархии персональной», когда король управлял всем государством, как своим доменом, к «монархии институциональной», когда управление осуществлялось через специально созданные органы⁵. Но ослабление позиций короля,

---

¹ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. С. 107.

² *Daly J. The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England // The Historical Journal. Vol. 21, № 2. 1978. P. 228.*

³ *Паламарчук А.А. «Kings by God's appointment». С. 130.*

⁴ *Holdsworth W.S. The Prerogative in the Sixteenth Century. P. 555.*

⁵ В.А. Томсинов указывает, что в рамках Тайного совета короля властные полномочия, которые хоть и имели своей изначальной точкой прерогативы короля, тем не менее были распределены между чиновниками преимущественно высшего ранга. Так юридическими вопросами занимались лорд-канцлер, лорд-хранитель Большой печати Англии, один из главных судей; финансовые вопросы были в юрисдикции лорда-казначей или канцлера казначейства; вопросы религии были в поле зрения архиепископа и

связанное с приходом новой династии, вызвало к обсуждению старые конфликты, которые при Елизавете удавалось подавлять.

К началу XVII в. система английского права строилась на взаимодействии общего, канонического (церковного) и гражданского права. Эти отношения не были простыми, так как сопровождалась борьбой за юрисдикции и занятие главных должностей в королевской администрации и судах¹. В период с XVI по XVII в. в Англии действовало порядка 60 различных судебных институтов². Причём они фактически существовали обособленно друг от друга, строгой иерархии не было. Система была довольно объёмной и сложной для тех, кто не был знаком с ней ранее. Множественность институтов приводила к множественности решений и точек зрения. Подобную структуру А. А. Паламарчук именуется «правовым плюрализмом»³. Отчасти разнородность политических взглядов была причиной Гражданской войны середины XVII в., так как системы права отстаивали разные точки зрения: общее право – идею «древней конституции», цивилисты – идею абсолютной монархии⁴.

К XVII в. были обозначены юрисдикции следующих судов: Суд казначейства – финансы короля, Суд Общих тяжб – имущественные и земельные вопросы, Суд Королевской скамьи осуществлял функцию надзирателя над уголовными и другими исками короны, получая возможность рассматривать апелляции на решения Суда общих тяжб. Также в его юрисдикции было рассмотрение дел, связанных «с незаконным применением насилия» в рамках королевского мира⁵. Суд канцлера со

епископов; морские дела - высокий адмирал; военная сфера у руководителей кавалерии и артиллерии; вопросы королевского хаусхолда были поручены казначею домовладения, дорду-камергеру, а также контролеру. Подробнее см.: *Томсинов В.А.* Модернизация политической системы Англии. С.103.

¹ *Кондратьев С.В.* Английские юристы накануне буржуазной революции. С. 98-99

² *Паламарчук А.А.* Гражданское право в раннеэпохальной Англии: институты и идеи. С. 69.

³ *Там же.* С. 70.

⁴ *Там же.* С. 239.

⁵ *Арчер П.* Английская судебная система. С. 40.

временем стал местом, где рассматривались дела, которые были связаны с отправлением «справедливости» - апелляций на решения судов общего права. Так он стал высшим органом юстиции по гражданским делам. Вопросы брака и наследства находились в ведении судов канонического права¹. Прерогативные суды², возникшие в XV-XVI вв. отличались отсутствием применения прецедентного права и также имели специализацию: Суд Звёздной палаты был высшим судом по уголовным делам, Палата Прошений рассматривала мелкие гражданские дела³, Высокая комиссия выступала в роли церковного трибунала. Они были образованы для того, чтобы заполнить те пробелы общего права, которые неминуемо возникали. Помимо указанных судов существовали Адмиралтейский суд, который занимался морским и международным правом⁴, Суд графа-маршала или Рыцарский суд – военное право и т.д. На первый взгляд кажется, что юрисдикции институтов обозначены, но практика показывает, что границы были весьма условными. Юристы общего права, которые доминировали в Вестминстерских судах (Суд Казначейства, Суд Общих тяжб, Суд Королевской скамьи), неохотно делились своими полномочиями в разных сферах социально-административного регулирования⁵. Но, чтобы понять причины несогласованности систем общего и гражданского права, необходимо кратко обратиться к истокам их формирования и принципам работы.

Ещё до норманнского завоевания постепенно складывалось то право, которое основывалось на местных обычаях и традициях англосаксонских племён. Но этот комплекс норм не был универсальным для всех, а содержал обособленные юридические традиции, например, для жителей Кента,

---

¹ *Jones W. J. The Crown and the Courts in England 1603–1625. P. 185.*

² Название происходит от того, что прерогатива в данном случае описывает их свободу от процедур общего права на основе королевского исключительного права. Подробнее см.: *Waite P. B. The Struggle of Prerogative and Common Law in the Reign of James I. P. 144.*

³ *Baker J. An Introduction to English Legal History. P. 127-130.*

⁴ *Jones W. J. The Crown and the Courts in England 1603–1625. P. 186-187.*

⁵ *Cooper J. P. The fall of the Stuart monarchy. P. 538-539.*

Уэссекса, Мерсии¹. Такая практика приводила к разным решениям по одному и тому же спору в зависимости от местных правовых особенностей. Поэтому вполне понятно, что к приходу Вильгельма эти разрозненные обычаи ещё не представляли собой единую систему. Только после 1066 г. можно говорить о начале структурирования права, что стало возможным после установления централизованного управления.

Хотя многие памятники донорманнского периода носят имена вождей и королей, как например, «Правда Этельберта» (600 г.), законы Кнута (1-ая половина XI в.), тем не менее, они были лишь фиксацией уже существовавших обычаев и не всегда были результатом законотворческой деятельности правителя². Также по мере расширения территории, новые области, входящие в состав государства, имели свои особенности судебной практики, которые зачастую сохранялись.

Общее право складывается при Вильгельме Завоевателе и его наследниках. По мнению П. Арчера, одним из первых судов общего права являлся Суд казначейства, который был образован в начале XII в. для управления финансами короля³. Со временем члены этого суда образовывали комиссии, которые от лица короля рассматривали на местном уровне дела, связанные с управлением и с тем, что было в интересах короны⁴. Окончательное утверждение института разъездных судей происходит в период правления Генриха II. К этому времени они уже не ограничиваются сугубо финансовыми вопросами, а предстают как орган, имеющий возможность решать широкий спектр судебных споров. Подобная практика позволила центральным судам познакомиться с местными особенностями, что благоприятно отразилось на процессе систематизации права⁵.

---

¹ *Дженкс Э.* Английское право. С. 15.

² Там же. С. 17.

³ *Арчер П.* Английская судебная система. С. 33.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ *Дженкс Э.* Английское право. С. 20-21.

Норманны возвратили былой авторитет судам сотен, графств, а также правам в этой сфере, пожалованным английским городам. Интересно, что, несмотря на городские хартии, которые давали возможность горожанам быть судимыми только в своём городском суде, тем не менее, уголовные дела оставались в юрисдикции королевских разъездных судей. Общее право постепенно заменило собой те разрозненные групп норм, которые существовали ранее, а также дало возможность каждому претендовать на справедливость, поскольку он был подданным короля¹. Общее право вполне оправдывало своё название. В XIII-XIV вв. происходит его окончательное оформление. Правда, вплоть до XV в. в некоторых районах королевства продолжали функционировать суды сеньоров, но, как указывает Д.М. Петрушевский, они лишь сохраняли свои названия, а правосудие в них осуществлялось на принципах королевской защиты, а значит через общегосударственные органы юстиции².

Судебное разбирательство было основано на обращении юриста к уже имеющемуся предписаниям по схожему вопросу. Так формировался прецедент, который стал исключительной особенностью английской системы права. Но прецеденты сами по себе имели мало смысла, так как нуждались в толковании. Для этого было необходимо обращаться к универсальным принципам судебного разбирательства, которые именовались «максимами» (*maxims*). Они представляли собой положения, которые основывались на естественном праве, а также на интерпретации схожих дел. Эти универсалии создавались путём отбора практик из разных источников, в том числе и из гражданского права и богословия³. Поэтому сложно говорить, что системы права были строго изолированы. Границы ощущались по большей части только в спорах о юрисдикциях, но общество юристов было частично объединённым некоторыми принципами работы. Разграничение судов между

---

¹ *Дженкс Э.* Английское право. С. 19-20.

² *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1937. С. 218.

³ *Sommerville J.P.* Royalists and Patriots. P.88-89.

юристами общего права и цивилистами не во всех случаях было столь ярким, часто они работали бок о бок¹. Но, тем не менее, судебный процесс в судах общего права был отличен тем, что вопросы в ходе разбирательства строились на основе заявления истца, устные допросы были исключены, и только письменные свидетельства имели силу.

Но предписания, которые столь активно формировались на раннем этапе функционирования общего права, к XIV в. перестали создаваться. Судопроизводство обязано было справляться с новыми явлениями жизни общества, но не все могли сыскать удовлетворяющего их решения в судах общего права². Общее право имело сильную связь с землёй, поэтому человек, не имевший её, попросту выпадал из зоны действия подобных судов³. К XV в. структура английского общества меняется и появляется целая прослойка людей, которая обладала ресурсами, не связанными напрямую с землёй. Такие подданные могли надеяться только на королевское урегулирование, поэтому многие обращались напрямую к монарху с просьбой справедливого решения по своему иску, так как не могли получить решения в судах общего права. Или же к королю просили из-за недобросовестного решения тяжбы. Так стало складываться право справедливости, которое фактически действовало в обход общему.

Юристы общего права, согласно Д. Соммервиллу, выступали как главные стражи закона, соблюдение которого они проверяли и реализовывали через парламент и другие судебные инстанции. Общее право также выступало гарантом сдерживания единовластных тенденций, поскольку древние законы были «единственным эффективным барьером на пути к абсолютизму»⁴. Кроме того, правоведы были носителями интеллектуальной и культурной жизни общества. Юристов общего права

---

¹ *Coquillette D.* Legal Ideology and Incorporation I. P. 20.

² *Стрижаков И. В.* Королевский Суд справедливости Англии XVI–XVII вв. // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 2. С. 43.

³ *Арчер П.* Английская судебная система С. 46.

⁴ *Sommerville J.P.* Royalists and Patriots. P. 81.

готовили в Судебных Иннах - Линкольнз Инн, Грейз Инн, Миддл Темпл и Иннер Темпл. Именно здесь можно было получить знания для осуществления юридической практики¹.

Необходимо отметить такую практику как создание предписаний о запрещениях. Это был тот инструмент воздействия, которым юристы общего права активно пользовались в борьбе с цивилистами и канониками. Этот конфликт зрел ещё до Реформации, и тогда предписания использовали как олицетворение борьбы за национальные правовые начала против римской универсализации. Однако после принятия «Акта о супрематии», предписания стали частью конфликта между направлениями юстиции². Изначально они были призваны оградить от несправедливостей, которые могли быть осуществлены в судах и поэтому служили благим целям. Но со временем установилась практика, когда предписания стали использовать для изъятия дел из компетенции судов гражданского и канонического права в пользу общего³. Для этого стоило лишь обратиться или в суд Королевской скамьи, или в суд Общих тяжб. Активное использование этой практики в полемике с конкурентами создало целую серию исков против судей общего права, а также являлось причинами непосредственного обращения юристов к королю и нескольких широко известных дел, одно из которых связано с юрисдикцией Суда Адмиралтейства⁴. Большой резонанс также вызвали выступления Эдварда Кока против Суда Высокой Комиссии⁵, Одним из наиболее ярких примеров борьбы за юрисдикции периода первого Стюарта

---

¹ *Паламарчук А.А.* Цивильное право в раннестюартовской Англии. С. 93.

² *Waite P. B.* The Struggle of Prerogative and Common Law in the Reign of James I. P. 147.

³ *Knafla L. A.* Law and Politics in Jacobean England. The Tracts of Lord Chancellor Ellesmere. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. С. 115.

⁴ Подробнее см.: *Паламарчук А.А.* Цивильное право в раннестюартовской Англии С. 103-124.

⁵ Подробнее см.: *Waite P. B.* The Struggle of Prerogative and Common Law in the Reign of James I. P. 145-152.

является дело графа Оксфорда, которое берёт истоки ещё в первой половине XVI в.¹.

Что касается гражданского права, то информации о его развитии до норманнского завоевания нет. Отчасти потому, что хоть Рим и подчинил себе эти территории, тем не менее, ещё во время нахождения здесь легионов Британия была очень отдалённой провинцией, где проживало сравнительно небольшое число римских граждан. Поэтому сильного влияния местные жители от пришлых не восприняли, тем более в юридических практиках².

Норманнское завоевание позволило Англии выйти из той непреднамеренной изоляции от остального мира, которая наблюдалась ранее³. Так постепенно происходит налаживание контактов в сфере международных отношений, а вместе с тем проникает континентальное влияние в области экономики, культуры, идеологии и политики. Поэтому уже со второй половины XI в. можно говорить о постепенном вмешательстве римского права в политико-правовое пространство Англии⁴. Показательно, что одним из главных советников Вильгельма был Ланфранк, который знаменит изучением права в Павийской школе, но, тем не менее, вряд ли он оказывал существенное влияние на реорганизацию управления в королевстве согласно римским принципам⁵. Последующие короли также старались иметь в своём ближайшем окружении образованных мужей, обладающих знаниями в римском праве.

Помимо привлечения специалистов из-за рубежа, в Англии стала формироваться собственная школа гражданского права. В университетах с XII в. вводится преподавание этой дисциплины. Успешное завершение юридических факультетов Кембриджа или Оксфорда открывало молодым

---

¹ Паламарчук А.А. Дело графа Оксфорда и полемика о юрисдикциях в раннестюартовской Англии. С.96-98.

² Baker J. An Introduction to English Legal History. P. 4.

³ Holdsworth W. S. A History of English Law. Vol. 2. P. 145-146.

⁴ Томсинов В.А. Римское право в средневековой Англии. С. 124.

⁵ Mousoukaris G. Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition. Auckland: Springer, 2015. P. 273.

знатокам возможности для хорошего карьерного роста. Кроме того, к концу XV в. уже имелся целый ряд учреждений, которые использовали в качестве правовой основы именно рецепцию¹.

Заметнее всего влияние гражданского права проявляется в двух наиболее важных юридических трактатах XII-XIII вв.: «Tractatus de legibus et consuetudinibus regni» Р. Гланвила («Трактат о законах и обычаях Английского королевства») 1187 г. и в трактате Генри Брактона «О законах и обычаях Англии», к которому Коуэлл отсылает неоднократно в словаре. Сочинение Гланвила даёт представление о римском праве как о системе, способной позволить выработать чёткие юридические нормы, чего не может сделать обычное право². Работа Брактона основывается на решениях королевских судов и также обращается к авторам эпохи Римской империи и трудам Болонской школы³. Согласно ему, человек как политическое лицо или же организация обладали юрисдикцией только в том случае, когда это делегировано короной⁴.

В.А. Томсинов указывает, что «сущность влияния римского права на английское в данный период заключалась главным образом в воздействии римского способа юридического мышления и техники судебного процесса, в рациональных методах обработки правового материала»⁵.

К XVI-XVII вв. в английской юстиции оформилось гражданское право, базой для которого стали Кодекс Юстиниана, труды глоссаторов и комментаторов, а также источники античности. Римское право хорошо адаптировалось не только к материалу Англии, но и других государств Европы, поэтому имело универсалистский характер⁶. Их знания были в основном теоретическими, тем не менее, цивилисты пытались применить имеющийся римский опыт на английском материале.

---

¹ Паламарчук А.А. Гражданское право в раннестюартовской Англии. С. 6.

² Mousoukaris G. Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition. P. 274.

³ Томсинов В.А. Римское право в средневековой Англии. С. 127.

⁴ Паламарчук А.А. Гражданское право в раннестюартовской Англии. С. 79.

⁵ Томсинов В.А. Римское право в средневековой Англии. С. 128.

⁶ Паламарчук А.А. Гражданское право в раннестюартовской Англии. С. 7-8.

Изначально в университетах гражданское право было необходимо для клириков и в целом для церковной среды, поэтому его изучали скорее как дополнение к каноническому, в юрисдикцию которого попадало всё больше дел. Например, семейное и наследственное право рассматривали только церковные суды. Каноническое право действовало не на принципе прецедента, как общее право, а на основе судебного разбирательства, построенного на инквизиционных практиках, включающих в себя письменные допросы, взятие показаний свидетелей, а также принципы логики¹. Но после реформации римское право стало отдельной дисциплиной, к тому же получило благосклонность со стороны Генриха VIII, возможно, из-за того, что цивилисты были ближе к имперским идеям, которые ему хотелось реализовать². Д. Кокиллетт предполагает, что идея империи была фактически заменой тех универсалистских идей, которые были связаны с главенством Римской церкви³. Интересно, что после 1534 г. цивилисты получили монополию на преподавание права в университетах⁴. А в 1540 г. Генрих VIII объявил о создании двух Королевских кафедр гражданского права в Оксфорде и Кембридже⁵, профессоров которых назначал лично монарх⁶. Цивилисты в лице короны видели защитника своих юрисдикций от притязаний юристов общего права, и в свою очередь старались укрепить положение монарха, стоящего, по их мнению, выше общего права Англии. Они довольно часто прибегали не только к цитированию римского права, но и активно обращались к средневековому наследию, например, используя идею двух тел короля⁷.

---

¹ *Coquillette D. Legal Ideology and Incorporation I. P. 28.*

² *Паламарчук А.А. Гражданское право в раннеюэковской Англии. С. 96.*

³ *Coquillette D. Legal Ideology and Incorporation I. P. 17.*

⁴ *Ibid. P. 16-17.*

⁵ *Lee D. Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought. P. 276.*

⁶ *Паламарчук А.А. Гражданское право в раннеюэковской Англии. С. 96.*

⁷ *Каменецкий Б.А. Идеологическая борьба в Англии в период кризиса абсолютизма (конец XVI — начало XVII в.): Политико-юридический аспект // Средние века. Вып. 43. М., 1980. С. 175.*

Цивилисты преобладали в суде Адмиралтейства, в Палате Прошений, в Рыцарском суде, вместе с юристами общего права были членами Канцелярии, провинциальных органов. Также большое число юристов работало в структуре церковной организации, в целом, в различных институтах.

Интересно, что при всей разности римского и общего права вплоть до XVIII в. все документы судебных споров, а также трактаты юридического толка были записаны на латинском языке¹.

Численность этих объединений юристов была разной. Б.А. Каменецкий приводит цифры, что с 1603 по 1641 гг. цивилистов было всего 200, а юристов общего права только к началу XVII в. уже было 2000². Поэтому порой первым было непросто противостоять натиску оппонентов. Но, как уж отмечалось ранее, только цивилисты имели монопольное право на переработку и изучение истории права, что давало им свои собственные привилегии³. Кроме того, их сочинения были попыткой систематизации английского права и выработки универсальных понятий, которые имели бы не только местное применение, но и соотносились с «космополитической правовой наукой Европы».

У общего и гражданского права были разные взгляды на предмет королевской власти. Если первое предполагало, что законы королевства определяют границы её реализации, то цивилисты разделяли юрисдикции монарха и юрисдикции судебных институтов⁴. Юристы гражданского права нередко обращались к трудам Жана Бодена, обосновавшего, что суверенитет принадлежит только королям и не может быть разделён с кем-либо. Король был основным источником власти и закона. В 1606 г. вышел перевод «Шести книг о государстве», что, по мнению Д. Ли, ускорило «принятие англичанами

---

¹ Томсинов В.А. Римское право в средневековой Англии. С. 131.

² Каменецкий Б.А. Идеиная борьба в Англии в период кризиса абсолютизма. С. 174.

³ Coquillette D. Legal Ideology and Incorporation I. P. 26-35.

⁴ Паламарчук А.А. Гражданское право в раннеюэартовской Англии. С. 83.

континентальных теорий суверенитета»¹. Боден стал авторитетом, на которого ссылались все сторонники сильной королевской власти в спорах с парламентом.

Большое значение для развития конфликтной ситуации между юристами сыграло отсутствие чётких формулировок юридических и правовых понятий. «Прерогатива», «парламент», «король», «королевская власть» - все они трактовались по-разному.

Судебные органы играли большую роль в рамках реализации королевского управления, поскольку считалось, что именно через них на местах монарх решал вопросы своих подданных. «Наличие нескольких правовых систем и связанных с ними институтов, подтверждало представление об «абсолютной» королевской власти, то есть власти, способной реализовывать себя бесконечным количеством способов»².

Английская судебная система не имела аналогов, поэтому была фактически отделена от остального правового поля, при этом взаимодействуя с ним в рамках международного и торгового права. Правда, больше внимания юристов было акцентировано не на сравнении с системами других государств западной Европы, а скорее на своём собственной «правовом плюрализме».

Идея «древней конституции», согласно которой управление государством должно было быть «сбалансированным» и не единоличным формировалась под влиянием Джона Фортеस्कью, считавшего, что ни один человек или орган не мог монополизировать власть³. Каждый субъект властной структуры делил власть с другими. Так народ, который был представлен в парламенте, был активным участником регулирования политической жизни государства. Естественно, что юристы общего права пытались придать мощи этому учреждению, хотя бы через его «удревнение».

---

¹ Lee D. Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought. P. 273.

² Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии. С. 71.

³ Coward B., Gaunt P. The Stuart Age, 1603-1714. P. 274.

Уильям Кэмден, например, полагал, что первое упоминание парламента – 1009 г., а Полидор Вергилий – время Генриха I¹. Эдвард Кок считал, что о парламенте в Англии знали до норманнского завоевания².

Представительства Тюдоров и Стюартов оставались источником для пополнения казны, способом осуществления «обратной связи» с подданными, а также «местом выработки компромиссов и достижения согласия»³. Но, не смотря на свою роль в управлении Англией, они созывались только по решению короля и им же распускались. Тем более законопроекты, которые вносились и обсуждались парламентом, могли быть отклонены королём в случае применения права вето⁴. Юристы общего права имели влияние на парламент, поскольку представляли интересы тех, кто по большей части был представлен в палате общин. Утверждение новых налогов, регулирование законодательства были сложными процессами, которые постоянно соотносились с идеями общего права об ограниченной власти монарха.

«Правовой плюрализм» можно проиллюстрировать, обратившись к современникам Джона Коуэлла. Самые яркие позиции представлены Альберико Джентили, Эдвардом Коком, Уильямом Фулбеком и др.

Альберико Джентили (1552-1608) был преподавателем гражданского права в Оксфорде. Его основной труд - «Disputationes Regales» 1605 г. - носит характер полемического сочинения, в котором он превозносит роль гражданского права как системы, способной в лучшем виде отвечать на запросы английского общества, а также решать вопросы, связанные с дипломатией. Относительно власти монарха он указывает, что она должна быть полностью свободной и ничем не может быть ограничена, причём ни юридическими нормами, ни человеческими принципами. Король подчинён

---

¹ Кондратьев С.В. Парламент в политико-правовой мысли предреволюционной Англии. С. 106.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 104.

⁴ Кондратьев С.В. Английская революция XVII века. С. 63.

только божественному праву, а законом становится всё то, что ему угодно. При этом Джентили указывает, что абсолютная власть не является «исключительно римским понятием», а проявляется во всех независимых государствах, в том числе и в Англии. Он также соглашается с известной на тот момент доктриной о двойственности власти правителя, считая, что у короля есть обычные и чрезвычайные полномочия. И если первые осуществляются в рамках закона, то вторые освобождаются от него. Но даже сдерживание деятельности короля законами не исключает наличия у правителя абсолютной прерогативы. Именно благодаря ей короли могли осуществлять справедливость и устанавливать законы без согласия парламента. Само это право распоряжаться полномочиями по своей воле делало Англию свободной и независимой монархией, носящей статус абсолютной¹. Полнота власти, равная суверенитету – это, по Джентили, и есть абсолютная власть. Она не может быть никак поделена или даже подвергаться анализу и рассмотрению². Такая власть не отличается от той, что была, например, во Франции, поскольку оба государства он считал в равной степени «"чистыми" монархиями, полностью абсолютными и юридически неограниченными в своей суверенной власти над соответствующими сферами»³.

Противоположный лагерь юристов представлял Эдвард Кок (1552-1634). Будучи юристом общего права и одним из лидеров парламентской оппозиции, он также занимал пост Главного судьи королевства. Его основной труд – «Институции законов Англии», где он, привлекая различные источники, обосновал идею, что общее право является основой английской национальной идентичности⁴. Правда стоит отметить, что это сочинение

---

¹ Lee D. Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought P. 278-280.

² Coquillette D. Legal Ideology and Incorporation I. C. 62.

³ Lee D. Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought. P. 280.

⁴ Паламарчук А.А. Цивилисты в раннестюартовской. С. 60.

впервые было издано где-то между 1628 и 1644 гг., а значит несколько позднее событий, связанных с делом Коуэлла¹.

Цель Кока – укрепить позиции общего права благодаря привлечению истории. Как указывает А.А. Паламарчук, Кок «впервые открывает историческое измерение общего права, а также подчеркивает его исключительно английский, островной характер»². Он заявляет, что королевская власть в том виде, в котором она имеется, стала таковой только благодаря деятельности судебных органов общего права, которые практически от самых истоков выполняли функции административного регулирования. Именно благодаря этой связи власть короля в Англии стала совершеннейшей среди всех монархических образований современной ему Европы. Стоит отметить, что даже в начале XVII в. это совмещение управленческих и судебных функций сохраняется³.

Под прерогативой он понимал то, что дано королю по закону⁴. При этом прерогатива – это то, чем обладает только король и никто другой. Она у Кока делится на 2 подвида: абсолютная – неотчуждаемая и неоспариваемая власть короля, и ординарная – определяется законом государства⁵. Над королём, в его понимании, довлеют две силы, а именно Бог и законы, правда в разной степени и в разном виде. В рамках абсолютной прерогативы король обладает правом объявления войны, чеканки монеты, заключения мира; в рамках ординарной он взаимодействует с парламентом и признаёт его авторитет в делах права и финансов. Э. Кок придерживается идеи континуитета английского права, считая, что норманны после завоевания были абсолютными суверенами, которые были вправе изменять английские законы, но не стали этого делать⁶. Тем самым они ограничили собственную

---

¹ Москалёва К.Д. Прерогатива как понятие и как символ власти в Англии. С. 106.

² Паламарчук А.А. Общее право, социопрофессиональная конкуренция в раннестюартовской Англии. С. 116.

³ Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. С. 124.

⁴ Москалёва К.Д. Прерогатива как понятие и как символ власти. С. 106-107.

⁵ Там же. С. 108.

⁶ *Sommerville J.P.* Royalists and Patriots. P. 67.

власть. Парламент же обладает правами обсуждения и принятия решений по главным вопросам, в том числе по тем, что касаются короля и церкви. Орган характеризуется наличием собственной юрисдикции, поэтому может отстранять, например, уличённых во взятке лиц от должности даже в обход решению короля.

Несколько срединную позицию занимает Уильям Фулбек (1560-1603), который приходится учеником Джентили. Его отличает то, что, будучи цивилистом по образованию, он имел практику в судах общего права. Поэтому его идеи строятся на консенсусе двух юридических систем. Его внимание больше акцентировано на вопросе юстиции; трактат «Параллели, или взаимосвязи гражданского права, канонического права и общего права в английском королевстве» представляет собой диспут между четырьмя учёными мужами, которые олицетворяют три ветви права под главенством ведущего этого их спора. Он пытается понять причины разногласий юристов, а также увидеть схожие черты. Как указывает Д. Кокиллетт, его целью было сравнение и синтез канонических и гражданских принципов с принципами общего права¹. Он указывает на достоинства каждой системы права, отмечая, что у них достаточно много общего, заключая, что им необходим союз между собой. Фулбек был сторонником «концепции автономии формирования и функционирования действующих в Англии правовых систем»².

Относительно прерогативы короля высказывались Уолтер Рэли (1552-1618) и Фрэнсис Бэкон (1567-1626). В начале правления Якова I они выступали его сторонниками и приверженцами идеи абсолютизма, но оба понимали, что подобный политический порядок уже переходит в стадию упадка. И если Рэли считал, что выходом будет возврат к порядкам времён Елизаветы с содружеством короны и парламента, который выступает только как совет королевства, то Бэкон считал, что подобный союз должен строиться на принципе равенства партнёров. Суверенитет короля и свобода

---

¹ *Coquillette D. Legal Ideology and Incorporation I. P. 64.*

² *Паламарчук А.А. Понять «Толкователя». С. 107.*

парламента - это два основных элемента государственного устройства, которые не борются друг с другом, а укрепляют и поддерживают одно другое¹. Для Бэкона главным было достичь общественной гармонии, в чём немалую роль играла деятельность палаты общин, как главный осведомитель короля о делах и нуждах подданных. Правда, согласно Бэкону, парламент и общее право должно уступить королю в чрезвычайных случаях, но это нисколько не умаляет их значения².

Юристы общего и гражданского права равносильно пытались отстаивать собственные точки зрения, правда, они не были единственными участниками этого спора. Отдельного внимания заслуживает позиция короля, который не мог остаться в стороне от развивающихся споров.

Личность самого Якова I (1566-1625) играет немалую роль в дискурсах начала XVII в. Став королём Англии, он непроизвольно оказался втянут во множество конфликтов, которые касались и вопросов религии, и вопросов управления. Ещё будучи только королём Шотландии, он высказывался достаточно яростно за идею единообразия католической веры, которая стояла бы в зависимости от монарха, как главы религиозной жизни³. Но конфликт с парламентом был не менее серьёзен, так как со сменой династии парламент преследовал цель расширения своих полномочий, на что Яков явно не рассчитывал. Кроме того, по мнению Г. Дэвиса, он позволил ослабить позиции, которые занимали тайные советники в XVI в. В своём первом парламенте они не смогли приобрести реального лидерства, поэтому Якову приходилось идти на уступки, которые, по большей части, были вызваны необходимостью финансового обеспечения⁴. Дело в том, что король щедро тратил деньги на содержание двора, на подарки фаворитам, да и в

---

¹ *Smith A. G. R. Constitutional Ideas and Parliamentary Developments in England 1603-1625. P. 164.*

² *Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. С. 50.*

³ *Шарифжанов И.И. Корона и парламент в Англии XVII века: королевская прерогатива или суверенитет парламента? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 1. С. 257.*

⁴ *Davies G. The Early Stuarts, 1603-1660. P. 14.*

целом, по сравнению с экономичным содержанием Елизаветы, он жил на широкую ногу. В этой ситуации ему постоянно требовались чрезвычайные парламентские дотации¹.

До английского периода им было написано несколько работ, в которых отстаивалась идея короля – носителя абсолютной власти. Это «Базилкон дорон»², датированный 1599 г., где содержатся королевские инструкции для сына Генриха и «Истинный закон свободной монархии» 1598 г.³. Основу данных источников составляет идея о божественной природе власти короля, о её непоколебимости и неподверженности осуждению и сопротивлению. Фактически король вправе делать всё, что ему заблагорассудится⁴. Для Якова, по мнению Л. И. Ивониной, шотландская монархия была образцовой. Этот идеал он хотел перенести и на материал Англии. Так, например, в «Истинном законе свободной монархии» он излагает свои возможности в создании новых законов и упразднении старых, в обладании королевскими прерогативами, которые не могут быть никем оспорены. Правитель, он считает, появился раньше, чем деление людей на категории, чем владения, тем более чем законы и парламент. Поэтому именно король является источником для права⁵. Тем не менее, он не отрицает свою подчинённость законам государства, но только с точки зрения демонстрации хорошего примера для своих подданных⁶. Он также предполагал, что он был уполномочен управлять Англией отчасти в силу своего происхождения, отчасти по божественному праву, а также из-за его «превосходства в мудрости»⁷. И даже его союз с Тайным советом, парламентом, судебными органами не уменьшает его возвышенной роли. Но если ранее подобные идеи оставались лишь в поле обсуждения королевского

---

¹ *Smith A. G. R. Constitutional Ideas and Parliamentary Developments in England 1603-1625. P. 167.*

² *The Political Works of James I. P. 3-52.*

³ *Ibid. P. 53-70.*

⁴ *Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли?...». С. 15.*

⁵ *Иволина Л.И. Шотландский период жизни Якова I Стюарта. С. 14.*

⁶ *Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. С. 46.*

⁷ *Gardiner S.R. The first two Stuarts and the Puritan revolution. P. 13.*

двора, то теперь благодаря публичным заявлениям, выступлениям и книгам они стали доступны широкой публике. Л. Кнафла обращает внимание на то, что это создало «новую литературную традицию в первые годы его правления», которая выражалась в сочинениях художественного и политического толка¹.

В 1604 г. в первом парламенте Якова I ему была обращена «Апология палаты общин», которая являлась ответом на мысли абсолютистского толка, которые были высказаны им ещё во времена шотландского правления. В дополнение их не устраивала идея, что парламент обладает своими привилегиями не на праве постоянного пользования, а по милости короля, который при созыве очередного парламента как-бы вверяет ему часть полномочий². Поэтому они заявляли, что «наша просьба к вам при вступлении в парламент о предоставлении нам права пользоваться нашими привилегиями является чисто формальной и не уменьшает наших прав»³. Внимание было обращено также на стремление ограничить деятельность Канцлерства в области выборов и на введение фиксированной выплаты королю на содержание взамен ограничения прерогативы⁴.

Относительно выборов в самом начале правления Якова случилось несколько примечательных событий, которые не сыграли ему на руку. Во время выборов в первый парламент монарх порекомендовал избирать людей достойных, при этом не имеющих долгов и не совершавших преступлений. Однако, в палату общин был избран Фрэнсис Гудвин от графства Бекингемшир, который после проверки лордом-канцлером, был признан неспособным участвовать в парламенте. В ходе повторных выборов решение было принято в пользу Джона Фортескью. Однако палата общин выступила против подобного решения лорда-канцлера и отстаивала законность

---

¹ *Knafla L.A.* Law and Politics in Jacobean England. P. 65.

² *Davies G.* The Early Stuarts, 1603-1660. P. 5.

³ *Лавровский В. М.* Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII в. С. 68.

⁴ Там же. С. 70-71.

избрания Гудвина на основании собственных привилегий решения подобных споров. В ходе конференции с королём за палатой общин фактически было закреплено право на подтверждение законности выборов¹.

Ещё в 80-90-х гг. были споры, связанные с ведением финансовой политики королевства. Дело в том, что король по своей прерогативе мог предоставлять монопольное право в определённой сфере производственной деятельности. Это обходило решения парламента и вызывало недовольство. Королевская власть имела доход от подобных компаний, выдавая патенты. По большей части от подобной политики страдали мелкие дворяне, купечество и другие категории населения, представленные в палате общин. Так ещё при Елизавете ею графу Эссексу было даровано право на торговлю сладкими винами. По истечении десятилетнего срока она отказалась её продлевать, что привело к его недовольству и вынесению этого вопроса на обсуждение². В целом монополии не давали широкому кругу заинтересованных людей обогащаться, поэтому в рамках проблематики это была не просто борьба парламента за свободное предпринимательство, но также и восстание против королевской вольницы и фаворитизма³. В итоге споры дошли до того, что в 1601 г. палата общин настаивала на отмене этой исключительной прерогативы, но окончательного решения не было.

На первой сессии парламента Якова весной 1604 г., основными вопросами были жалобы, тянувшиеся ещё со времён Елизаветы, а именно вмешательство короля в экономику, вопрос монополий, коррупция в системе опеки и попечительства, злоупотребления в церковных судах, уголовные статуты. При этом король вёл себя чрезмерно сдержано, что позволило оппозиции громко о себе заявить⁴. Палата общин настаивала на свободной торговле без королевского вмешательства⁵. Ю.И. Царёва указывает, что

---

¹ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. С. 16-17.

² Мортон А.Л. История Англии. С. 178-179.

³ Там же. С. 179.

⁴ Knafla L.A. Law and Politics in Jacobean England. P. 77-78.

⁵ Английская буржуазная революция XVII века. С. 65.

борьба, которую переменнo вели король и парламент, была войной за деньги в рамках реализации ординарной прерогативы короля, ведь ещё во времена Тюдоров главная цель оппозиции была в отсечении способов пополнения казны в обход палате общин¹.

Ещё одной проблемной точкой стало происхождение Якова. Считалось, что ему, как шотландцу, ближе были нормы римского права, поэтому он не был столь почителен к английскому общему. Интересна точка зрения К. Рассела, что после унии 1603 г. в Англии не могло быть и речи о едином парламенте, так как англичане и шотландцы не могли быть одной нацией, у них не было одного парламента. Начиная с 1603 года, это был новая причина нестабильности в отношениях между короной и парламентом².

Публичное подтверждение воззрений Якова, отражённых в книгах, произошло только в 1610 г. Тогда он выступил с речью, которая в целом повторяла слова его сочинений. Тезисно она представлена так: король является наместником Бога на земле, а соответственно, его власть не может быть оспорена или осуждена; власть правителя в Священном писании приравнивалась к божественной, а значит король – Бог в своём королевстве; король – отец для своего народа³; любые обсуждения его власти можно посчитать мятежными⁴. Король, как и Бог, может решать вопросы жизни и смерти, даровать и лишать достоинств⁵. Относительно права он заявляет, что не только Англия, но и другие государства не живут согласно только одному его виду. Везде цивильное право дополняется и существует в согласии с местными нормами и обычаями⁶. И хоть он упоминает, что «для английского короля пренебрегать общим правом - это пренебрегать своей собственной

---

¹ Царева Ю.И. Древние Королевские прерогативы и парламент в XVI-XVII вв. С. 28.

² Russell C. The Nature of a Parliament in Early Stuart England. P. 135.

³ The Political Works of James I. P. 307.

⁴ Шарифжанов И.И. Корона и парламент в Англии XVII века. С. 257.

⁵ The Political Works of James I. P. 308.

⁶ Ibid. P. 310-311.

коронай», тем не менее, его минусом считает отсутствие установленного текста и наличие противоречивых решений¹. Подданные должны оказывать ему поддержку, в том числе и финансовую². Получается, что Яков границы своей прерогативы сопоставляет со священным правом. Парламент он сравнивает с большим королевским советом, с которым он время от времени совещается по наиболее важным вопросам и законам, при этом никакого давления на его персону этот орган власти оказывать не может.

Д. Соммервилл справедливо отмечает, что если Яков планировал этим выступлением создать новую идеологию, которая бы объединила всех враждующих, то задумка не удалась. Если всё-таки исходить из того, что законы Бога наделяли короля суверенной властью, то законы человеческие также должны были соотноситься с божественными. А соответственно, не может быть никакого закона против абсолютной монархии. Поэтому король вполне оправданно не признавал своё подчинение законам королевства. В таком случае единственными гарантами от королевского произвола были монаршая доброта и страх перед божественным судом³.

Финансовый вопрос вновь громко о себе заявил тогда, когда началось рассмотрение «дела Джона Коуэлла». Ранее королю был предложен «Великий контракт», который подразумевал отказ от некоторых королевских прерогатив в пользу регулярных выплат парламентом королю на его содержание. Подразумевалось, что Яков откажется от права короны покупать товары для двора по цене ниже рыночной, а также контролировать браки и земли своих несовершеннолетних арендаторов до момента достижения совершеннолетия⁴. В качестве ежегодной выплаты рассматривалась сумма в 200 тыс. фунтов стерлингов, инициатива исходила от палаты общин⁵. И если изначально Яков запретил парламенту обсуждать вопросы его феодального

---

¹ The Political Works of James I. P. 310-312.

² Ibid. C. 319-321.

³ *Sommerville J.P.* Royalists and Patriots. P. 125-126.

⁴ *Smith A. G. R.* Constitutional Ideas and Parliamentary Developments in England 1603-1625. P. 168.

⁵ *Cooper J. P.* The fall of the Stuart monarchy. P. 545.

дохода, то в 1610 г. он уступил. При благоприятном исходе от этого контракта выиграли бы больше землевладельцы, нежели корона, так как подобная замена дохода не была ей сильно выгодна¹. Яков сначала шёл на уступки общинам, но затем король увеличил часть сборов по феодальной прерогативе, что вызвало всеобщее недовольство. В конечном итоге в 1611 г. парламент был распущен.

Мнения современников были разными на вопрос границ возможностей королевской власти, но все признавали сакральность этого института и его превосходство над всеми остальными в иерархии². Цивилисты неоднократно сравнивали английского монарха с римским принцепсом, считая, что раз он вправе единолично издавать законы, то он освобождён от всех ограничений общего права в силу своих прерогативных полномочий, которые не могут быть распространены ни на кого, кроме него³. Это же выражалось в доктрине божественного права, согласно которой именно от Бога Яков получил свою абсолютную власть, а соответственно, только ему он подчиняется, но никому другому и никакому институту власти.

Юристы общего права создали собственную концепцию, заявляя, что не Бог делегировал власть королю над этой землёй, а народ, который и должен рассматриваться как единственный и исключительный источник всей законодательной власти королевства. Эта доктрина народного суверенитета ещё не получила большой поддержки в начале XVII в., но затем проявила себя сильно⁴. При этом они также обращались к римскому материалу, указывая на факт передачи на добровольных началах части прав народа в руки принцепса. Считалось, что также образовалась королевская власть и в Англии. Это использовалось как обоснование того, что народ доверил ему не все свои права и привилегии, а соответственно, что он делит их вместе с

---

¹ *Coward B., Gaunt P.* The Stuart Age. P. 150-151.

² *Кондратьев С.В.* Английская революция XVII века. С. 193.

³ *Lee D.* Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought. P. 282.

⁴ *Ibid.*

королём. С подобным мнением было сложно спорить. Тогда цивилисты акцентировали своё внимание на акте захвата Англии норманнами. В силу этого процесса королевская власть основывалась не факте передачи части прав, а на насильственном установлении зависимости. Поэтому аргументы юристов общего права относительно народного суверенитета не играли роли¹.

Отдельно можно отметить позицию политика Джеймса Уайтлока, который в 1610 г. в палате общин разграничил власть короля на два вида: король-в-парламенте и король за его пределами. Соответственно, первая – юридическая прерогатива - превосходит вторую (абсолютную), поскольку все важнейшие вопросы решаются именно в парламенте². Составление и упразднение законов, введение новых налогов, судебные процессы – всё это должно быть согласовано с представителями сословий³. Если во времена Тюдоров король-в-парламенте – это скорее исключительность английского абсолютизма, то при ранних Стюартах – это обоснование зависимости монарха от действий и мнений парламента. «Тюдоровский абсолютизм» и «Стюартовский абсолютизм» не были одним и тем же, даже характеристика правления Якова I и Карла I не будут идентичны⁴.

Постоянные выпады друг против друга со стороны юристов приводили к тому, что они использовали одни и те же примеры из прошлого, правда, трактовали их по-разному. Но, тем не менее, споры продолжались довольно долго. И Джон Коуэлл издал свои труды именно в тот момент, когда внутренняя напряжённость вновь подталкивала короля и парламент к конфликту.

О жизни Джона Коуэлла сохранилось не очень много сведений. Известно, что он родился в 1554 году в Эрнсбро, графство Девоншир.

---

¹ Lee D. Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought. P. 284.

² Burgess G. The Politics of the Ancient Constitution. P. 157.

³ Smith A. G. R. Constitutional Ideas and Parliamentary Developments in England 1603-1625. P. 161-162.

⁴ Daly J. The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England. P. 248.

В 1570 г. он поступил в Кембриджский университет, где изучал гражданское право по совету Ричарда Банкрофта, который впоследствии стал епископом Лондона. В середине 1570-х он получил степень бакалавра свободных искусств, в 1578 г. - магистра, а в 1588 г. стал доктором права¹. Ещё в 1584 г. он стало членом Общины докторов – корпорации юристов, а спустя 10 лет становится профессором королевской кафедры в университете Кембриджа. Эту должность он сохранил вплоть до своей смерти. В дополнение к профессорской деятельности Коуэлл в 1594 году был назначен главой одного из старейших колледжей – Тринити-Холла, а в 1603-1604 гг. является проректором университета Кембриджа.

Но помимо университетского направления деятельности в 1608 г. он становится главным викарием своего друга уже тогда архиепископа Банкрофта, который оказал немалое влияние на Коуэлла. Подробно обращаться к личности епископа не будем, отметим лишь, что после своего назначения он стремился проводить активную политику, направленную на ограничение распространения пуританизма и активизацию работы церковной администрации. Ещё одной важной задачей для Банкрофта была борьба с судами общего права, которые путём издания предписаний о запрещении противодействовали вершению церковного правосудия. Важно, что поддержку в этой борьбе Банкрофт и каноники нашли в лице юристов гражданского права. Джон Коуэлл был вовлечён в эти события, фактом является его участие в создании документа - «Статьи духовенства» (“*Articuli cleri*”), который содержал перечень нападок со стороны общего права на церковную юрисдикцию, а также рекомендации по ответу на них². Фактически Банкрофт и его сподвижники взывали к власти короля решить претензии общего права. Такая ситуация вокруг церковной юрисдикции была на тот момент нормой, но в 1608 г. представлять этот документ в парламенте должен был Коуэлл, его оппонентом был Эдвард Кок. И хотя компромисс

---

¹ Паламарчук А.А. Понять «Толкователя». С. 104.

² Там же. С. 108.

был достигнут, суды общего права не стали придерживаться вынесенного решения, продолжая издавать предписания о запрещении. После этого проявляется интерес не только к личности Коуэлла, но и к его сочинениям¹.

С. В. Кондратьев не исключает, что именно Ричард Банкрофт подтолкнул Коуэлла на написание «Толкователя»².

Интеллектуальное наследие автора состоит из нескольких работ. Первый труд – это «Институции законов Англии», изданные в 1605 г. Джоном Легатом в Кембридже. Книга написана на латыни и представляет собой попытку систематизации английского права на 268 страницах³. В «Институциях» отчётливо прослеживается мнение юриста, согласно которому именно гражданское право должно было стать «формой и мерилем для будущего синтеза»⁴ ветвей юстиции, в то время как общее право должно было подвергнуться фильтрации от различных примесей и наслоений для последующего слияния в единое целое двумя другими.

«Институции» были посвящены Генри Говарду, графу Нортгемптону, который был канцлером университета в Кембридже, а также фаворитом Якова I. Книга, не смотря на заложенные в ней мысли, не привлекла внимание современником, как предполагает Ф. Хикс, из-за латинского языка, а также отсутствия в ней возражений против господствующего положения дел⁵. В этой работе крайне мало обращений к памятникам римских юристов. Акцент смещён в сторону изложения семейного, имущественного, контрактного права.

Книга была также издана в 1630, 1651, 1664, 1676 гг.⁶. Примечательно, что в 1651 г. «Институции» были напечатаны в соответствии с актом парламента о переводе всех книг о праве и процессов на английский язык¹.

---

¹ Паламарчук А. А. Цивилисты в раннестюартовской Англии. С.65.

² Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли?..». С. 58.

³ Hicks F.C. Men and Books Famous in the Law. Washington, 2000. P. 30.

⁴ Паламарчук А.А. Понять «Толкователя». С. 109.

⁵ Hicks F.C. Men and Books Famous in the Law. P. 30.

⁶ Ibid. P. 31.

Именно римское право Коуэлл считает той идеальной формой, необходимой для улучшения законов Англии. Синтез мог состояться благодаря участию в этом Якова, так как только он является посредником во всех делах и ему под силу объединить общее и гражданское право. Кроме того, в Англии Коуэлл видел империю, которой необходимо было вывести законы, соответствующие этому статусу². Общему праву по сравнению с другими, по мнению Коуэлла, недоставало целостности, поскольку в ходе своего исторического развития подобная система существовала как разрозненные территориальные прецеденты, которые со временем были сведены к более-менее понятному образцу.

И, хотя позиция Джона Коуэлла уже была частично высказана в «Институциях», тем не менее, в 1607 г. был издан «Толкователь или книга, содержащая значения слов, в которой излагается истинное значение всех или большей части слов и терминов, что упоминаются в (работах – М.К.) правоведов или статутах этого победоносного и славного королевства, требующих изложения или толкования»³. «Толкователь» весьма тесно связан с «Институциями», можно даже сказать, что является органическим продолжением.

Английский король, по мнению юриста, это абсолютный и совершенный монарх, власть которого бессмертна и безгранична. В силу этой безупречности королю позволяется быть выше не только всех подданных, но и выше права, поэтому он способен менять законы по своему усмотрению, парламент ему в этом деле не нужен⁴. Коуэлл продолжает сравнивать английского короля с римским императором, что особенно видно в соотношении их полномочий в разделах, посвящённых «королю» и «прерогативе».

---

¹ Gillies G. The Anglicisation of English Law // Auckland University Law Review. 2011. Vol. 17. P. 178.

² Паламарчук А.А. Цивилисты в раннеэпохальной Англии. С. 63-64.

³ Cowell J. The Interpreter. 1607.

⁴ Кондратьев С.В. «Все могут короли, все могут короли?...». С. 65.

Джон Коуэлл – это та личность, которая была неоправданно забыта. Отчасти может быть связано с тем, что такие знаковые исторические фигуры как Уильям Шекспир, Фрэнсис Бэкон, Ричард Банкрофт, Эдвард Кок жили и творили в это же время¹. Поэтому юрист по большей части остался в их тени. Интересна мысль Ф. Хикса о том, что Коуэлл по своей природе был человеком спокойным и не стремящимся к публичности, хотя он оказался втянут «в вихрь, который сделал его последующие дни вопросом общественного дела и нарушил всю жизнь академического спокойствия»².

«Толкователь» был издан в 1607 г., но пристальное рассмотрение трактовок началось только спустя три года. Это связано с тем, что новая сессия парламента началась 9 февраля 1610 г., а предыдущая – 1606-1607 гг.³.

Первое упоминание в палате общин о Коуэлле и «Толкователе» было 23 февраля 1610 г.⁴, а на следующий день их вынесли обсуждение⁵. Словарь упрекали в посягательстве на авторитет общего права, но, тем не менее, было решено рассмотреть отдельные главы более подробно⁶. Вопрос «Толкователя» активно рассматривался 26, 27 февраля, позднее в первой половине марта, а также 27 и 30 марта⁷. Выступить в защиту своего викария решил Ричард Банкрофт, который просил комиссию быть снисходительнее к Коуэллу. Роберт Сесил, будучи лордом-казначеем, также настаивал на добросовестном разбирательстве⁸.

Цивилиста обвиняли не просто в допущении ошибок в трактовках, а даже в мятежном и презрительном мнении⁹. Вскоре было принято решение созвать комиссию из более чем 50 человек, в состав которой должны были входить два архиепископа, тринадцать епископов, тринадцать графов,

---

¹ *Hicks F.C. Men and Books Famous in the Law. P. 29.*

² *Ibid.*

³ *Sommerville J.P. Royalists and Patriots. P. 115.*

⁴ *Journal of the House of Commons. Vol. 1. 1547-1629. P. 399.*

⁵ *Parliamentary Debates in 1610. P. 19.*

⁶ *Hicks F.C. Men and Books Famous in the Law. P.38.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Кондратьев С.В. «Все могут короли, все могут короли?..». С.59.*

⁹ *Hicks F.C. Men and Books Famous in the Law. P. 39.*

виконт, двадцать один лорд, а также лорд-канцлер, лорд-казначей, хранитель тайной печати, адмирал и чемберлен¹. Но поскольку в тот момент Яков нуждался в субсидиях, общины воспользовались ситуацией вокруг «Толкователя» для отсрочки утверждения выплат². Вскоре была проведена совместная сессия палат, где генеральный прокурор выдвинул обвинения против Коуэлла, ссылаясь на такие разделы как «король», «прерогатива», «парламент», «субсидия», а также на выдержки относительно юриста Томаса Литтлетона – одного из видных авторитетов общего права. Позднее – 8 марта был созван новый комитет, в котором председательствовал Фрэнсис Бэкон. Было принято решение о продолжении расследования для выяснения того, какое именно правонарушение совершил Джон Коуэлл, а также определить меру наказания³.

Как упоминалось ранее, в это время активно шло обсуждение «Великого контракта», а финансы были действительно необходимы, для Якова было выгоднее поддержать позицию осуждения Коуэлла. В итоге было принято решение изъять уже имеющиеся экземпляры книги, а Коуэлла придать суду. Тем не менее, он не понёс существенного наказания. Лорд-казначей Роберт Сесил, выступая от имени короля в обеих палатах, говорил о несогласии монарха с некоторыми положениями книги Коуэлла. Его упрекали в ошибочных трактовках. А относительно спора субсидий вообще было объявлено, «что они не принадлежат его (королевской – М.К.) прерогативе, но происходят от любви и желания его подданных оказать ему помощь»⁴. Также была высказана мысль, ссылаясь на мнение короля, что каждая палата парламента и король – все имеют свою собственную власть, единство которых необходимо для выработки правильных законов. А те претензии на абсолютный характер власти, которые заявлены в

---

¹ Hicks F.C. Men and Books Famous in the Law. P. 39.

² Ibid. P. 39-40.

³ Parliamentary Debates in 1610. P. 22.

⁴ Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли?...». С. 69-71.

«Толкователе», король посчитал неверными, ибо он всем своим регалиям обязан общему праву.

В итоге 30 марта была издана прокламация, которая не опубликована в журналах парламента, а имеется в пятом издании словаря 1701 г.¹ Она звучит как «Прокламация, касающаяся книги доктора Коуэлла, именуемой «Толкователь». В ней говорилось о том, что такая благородная профессия, как у Коуэлла, порождает «нетерпеливое любопытство во многих человеческих душах», что люди в силу своей тяги к познанию стремятся не просто следовать воле Бога, но и понимать божественные советы. И подобное поведение влечёт к злоупотреблениям и непониманиям в области права монархии и политического управления. Это приводит к вмешательству в дела, превышающие их возможности; «они не только заблудятся и споткнутся во тьме, но и введут в заблуждение других». Доказательством этих слов как раз является книга Джона Коуэлла, который будучи только цивилистом по профессии, решил вмешаться в дела, находящиеся вне его досягаемости, поэтому по многим вещам он был обманут. Поэтому в «Толкователе» есть сомнительные толкования, включающиеся в себя уничижительное отношение к власти короны, или неправильное восприятие состояния парламента, неправильное понимание основных конституций, привилегий и законов королевства. Большое значение сыграло «непочтительное отношение к общему английскому праву» и к трудам известных юристов. Кроме того, Коуэллу вменяли обращение против того закона, по которому он сам живёт, что означает нарушать клятву. Поэтому данную книгу было решено запретить покупать, читать и иметь при себе. Неподчинение в этом решении было принято пресекать, кроме того устанавливался надзор в отношении прессы, затрагивающей вопросы королевской власти и законов². Документ датируется 25 марта 1610 г.

---

¹ *Hicks F.C. Men and Books Famous in the Law.* P. 42.

² *The British Magazine and Monthly Register of Religious and Ecclesiastical Information, Parochial History, and Documents Respecting the State of the Poor, Progress of Education, &c.* P. 139-140.

Ф. Хикс упоминает, что имеющиеся книги сжигали, хотя точной информации на этот счёт не имеется, кроме того, сам же исследователь указывает, что многие экземпляры «Толкователя» 1607 г. хранятся до сих пор в юридических библиотеках не только Англии, но и Соединённых Штатов¹.

Не смотря на то, что целью Джона Коуэлла была поддержка положения Якова, он пострадал по большей части именно из-за бездействия монарха и его осторожности. Правда, после вынесенного решения по делу Яков выразил мысль, что прокламация носила скорее рекомендательный характер. Д. Кокиллетт указывает, что Яков при осуждении Коуэлла преследовал несколько целей, в том числе установить контроль за изданием юридической литературы, а также указать, что на его прерогативу наступали, обсуждая её, что было незаконно с его точки зрения².

В предисловии к «Толкователю» Коуэлл упоминает о желании свести два права к одному образцу, тем самым показать, что только различия в понятиях дают повод для постоянных споров между гражданским и обычным правом. У Коуэлла были идеи о создании третьей работы, которая представляла бы синтез общего и гражданского права, но реализовать замысел автору не удалось³. В мае 1611 г. он ушёл в отставку с поста профессора, и 11 октября того же года скончался.

Сэр Джон Грей приводит интересные выдержки из завещания Джона Коуэлла, датированного 8 октября 1611 г. Согласно документу, юрист распределил всё своё имущество, в том числе оставил кое-что и в качестве благотворительности. Например, он завещал Тринити-Холлу несколько книг, а также дом в Кембридже. Ряд книг по праву он завещал Королевскому колледжу, здесь содержится также ряд распоряжений о передаче его собственности знакомым и беднякам⁴.

---

¹ *Hicks F.C. Men and Books Famous in the Law.* P. 44.

² *Coquillette D. Legal Ideology and Incorporation I.* P. 81-82.

³ *Ibid.* P. 73.

⁴ *Gray J. King's College School in 1564.* P. 99-100.

Вновь интерес к «Толкователю» проснулся в 1630-е гг. История борьбы короля и парламента, хоть и не полностью повторялась, но, тем не менее, имела общие черты с ситуацией времён Якова I. Тогда архиепископ Кентерберийский Уильям Лод выступал в альянсе вместе с Карлом I против нижней палаты парламента. Издание приходится на тот этап, когда Карл не созывал парламента (1629-1640). В 1638 г. в Шотландии вспыхнула гражданская война, вызванная недовольством религиозной политики монарха и его соратника-архиепископа, поэтому Карлу пришлось пойти на шаг по созыву нового парламента. Долгий парламента осудил Лода за его попытки ввести единоверие в королевстве и приговорил к казни. Ему также во время судебного разбирательства вменяли разрешение на переиздание «Толкователя», поскольку именно он даровал лицензию на его публикацию в 1637 г.¹ Книга Коуэлла занимает одно из важных мест среди обвинений, выдвинутых против архиепископа. И вновь палата общин обратила свои взоры на известные ранее трактовки «короля», «прерогативы» и «парламента». В документах по этой тяжбе упоминается, что, не смотря на запрет и осуждение в 1610 г., книга была вновь издана.

Издатель словаря в 1684 г. Томас Мэнли считал, что «Толкователь» был прекрасной книгой, которая не заслуживала столь сурового отношения к себе, тем более к автору, который имел репутацию очень образованного человека².

Начало XVII в. характеризуется целой серией дискурсов, в рамках которых размышления шли не только о современной участникам конфликтов Англии, но и о прошлом, в котором все пытались найти подтверждения или теории абсолютной власти, или идеи древней конституции. Ситуация вокруг «Толкователя» во многом была стечением обстоятельств, связанных не

---

¹ Hicks F.C. Men and Books Famous in the Law. P. 47.

² Ibid. P. 51.

столько с вопросом о прерогативе короля, сколько с правовыми дискуссиями цивилистов и сторонников общего права¹.

Действительно, «Толкователь» был представлен широкой публике именно в тот момент, когда споры уже выходили за рамки юридической среды и стали достоянием парламентских дебатов с королём. Джона Коуэлла удобно было использовать обеим сторонам спора: королю и цивилистам как главного апологета абсолютистских идей; юристам общего права в том же качестве, но с совершенно противоположным смыслом – как образец инакомыслия, не имеющего под собой достаточных оснований. Не последнюю роль в «деле Коуэлла» сыграл финансовый вопрос, также стоящий на повестке дня. Тем не менее, последующее многократное обращение к «Толкователю», а также его переиздание говорит о том, что позиция Джона Коуэлла была весьма показательной для своего времени, и если даже не находила себе широкой поддержки, то, по крайней мере, отражала одну из распространённых точек зрения на вопросы характера власти короля, парламента и английского права.

---

¹ Паламарчук А. А. Понять «Толкователя». С. 118.

Глава 3. Терминология королевской власти в «Толкователе»

Цивилисты, как и сам Коуэлл, исходили из того, что власть монарха представляет собой «совокупность потенциально неограниченных возможностей — его прерогатив, поступаая или ограничивая которые, верховный суверен совершает действия во благо своих подданных, живущих в пределах установленного на основаниях взаимного согласия порядка»¹. В этом и заложено главное противоречие не только восприятия власти короля, но и сам её характер. Дело в том, что каким бы мощным набором прав по отношению к своим подданным, земле и системе юриспруденции английский монарх не обладал, считалось, что король должен править лишь в согласии с парламентом, как органом, олицетворяющим интересы тех, за кого в ответе правитель, а именно за всех, кто находятся в рамках его «королевского мира», то есть под его защитой. Получается, что его власть и абсолютна, и ограничена одновременно. Это нечётко обозначенное состояние юристы времён Елизаветы I, Якова I и Карла I трактовали и использовали по-разному.

Примечательно, что не раз упоминая в тексте «Толкователя» об абсолютной власти монарха, сам Коуэлл не даёт дефиницию слову “absolute”. Как указывает С.В. Кондратьев, во времена первых Стюартов под этим подразумевали «совершенное», «безупречное», «определённое»². В начале XVII в. также была обоснована точка зрения, что «абсолютный» означает не форму правления, а скорее атрибут власти. Дж. Дели указывает, что ко времени первых Стюартов был целый спектр дефиниций для этого слова. Среди наиболее распространённых значений встречаются «решительный», «непреклонный», «положительный», «безусловный», «безупречный», «совершенный», «неподдающийся сомнению»³. Абсолютный король в этом

---

¹ Федоров С.Е. Абсолютная власть государя в контексте средневековой политической теологии (постановка проблемы) // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2016. Вып. 2 (14). С.37.

² Кондратьев С.В. «Все могут короли, все могут короли?..». С. 7.

³ Daly J. *The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England*. P. 229-230.

смысле несёт в себе значение совершенного короля. Попробуем развить тезис о том, что монарх, по Коуэллу, это не только реальное воплощение короля как такового, но и некая идея существа, стоящего выше всех остальных в силу своего уникального происхождения. Для этого стоит обратиться к определению «короля», которое даёт знаток права в «Толкователе».

«Король ... есть сокращение от саксонского слова “Cyninge”, означающего того, кто обладает наивысшей властью и абсолютным правом на всех нашей земле»¹. Он обладает правильным пониманием закона, а значит «очищен от тех несовершенств, которым обычные люди подчинены. В виду этого он всегда подразумевается совершеннолетним, хотя он в годах так юн. Он считается неподверженным смерти, как и корпорация в нём самом, что живёт вечно»². Но свобода от смерти не распространяется на его тело.

Идея о том, что король всегда пребывает в совершеннолетию, что он бессмертен и не может быть подвержен ничему дурному, является весьма традиционной³. Также в этом фрагменте мы можем наблюдать типичную для средневековой идеологии власти концепцию двух тел короля. Поскольку монарх – это единство тела естественного (физического) и политического, то в случае смерти короля как человека его политическое тело продолжает жить, а значит, происходит передача власти, которая по своей природе бессмертна. Происходит как бы «переселение «души» (т.е. бессмертной части власти) из одного воплощения в другое, выраженное концепцией «преставления» короля»⁴. Получается, что в этом ключе Джон Коуэлл следует тем идеям, которые господствовали ещё в период правления Елизаветы I. Акт появления нового короля, как сверхсущества происходит

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. “King”.*

² *Ibid.*

³ *Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серegiной. М., 2015. С. 72.*

⁴ Там же. С. 81.

только в момент передачи политической власти. До этого момента наследник престола является обычным человеком, которого выделяет только его происхождение и близость к истинному королю. Но, не смотря на то, что этот смысл, безусловно, закладывался Коуэллом в его дефиниции «короля», он, тем не менее, не акцентирует на этом внимания, поскольку не старается развить эту концепцию где-либо ещё в «Толкователе».

Бессмертие короля было связано с тремя элементами, а именно с непрерывностью династии, вечностью королевского достоинства и корпоративным характером короны¹. При этом факторы могли сливаться в единое целое, и такой пример мы наблюдаем в «Толкователе». Труд Коуэлла появляется вскоре после воцарения новой династии, которой было необходимо узаконить свои притязания и выставить себя в лучшем свете. Поэтому источник вполне может носить характер идеологического утверждения нового правящего дома.

Исследователь В.В. Клочков указывает, что раз парламент не был постояннодействующим органом власти, то он не обладал правовым статусом корпорации². Интересно то, что по Коуэллу, этим статусом обладает только корона: «корона – это корпорация»³. Но что он подразумевает под понятием «корона» не совсем понятно; дефиниции этому термину он не даёт. Можно предположить, что «корона» означает то же самое, что и суверенитет. Причём Э.Х. Канторович указывает, что только в Англии была развита идея, что король по теории двух тел реализовывал свою политическую сущность через парламент, а, следовательно, он никак не мог быть отделён от королевской особы⁴.

---

¹ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 428.

² Клочков В. В. Парламентские свободы и прерогативные полномочия английской короны в раннее Новое время // Известия Южного федерального ун-та. Гуманитарные и информационные технологии. 2009. № 3. С. 196.

³ Cowell J. The Interpreter. 1607. "Capite".

⁴ Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 89.

Уместно также привести цитату автора по этому вопросу: «Корона как воплощение всех суверенных прав (внутри королевства и за его пределами) всего политического тела стояла выше всех своих отдельных членов, включая короля, хотя и не была отделена от

В «Толкователе» есть определение слова “Corporation” - корпорация. «Это то, что цивильное право называет совокупностью (*universitatem*) или коллегией; политический орган, уполномоченный королевской хартией иметь общую печать, одного или нескольких руководителей и членов, способных по общему согласию даровать или получать по закону любую вещь в рамках своих уставов: даже один (из них – М.К.) может по закону делать все, что по закону ему не запрещается...»¹. Канторович указывает, что «король, советники, должностные лица и лорды духовные и светские приносили буквально одну и ту же клятву беречь права Короны, а ведь все они вместе с королем, своим главой, в конечном счете и представляли, и являли собой “общину королевства” — *universitas*»². При этом такая община, имеющая статус корпорации, могла быть представлена либо парламентом, либо королём, либо союзом первого и второго»³.

Вернёмся к толкованию «короля».

Коуэлл подчёркивает, что монарх находится «выше закона из-за абсолютной власти, и хотя для лучшего и более правильного способа в составлении законов он допускает три сословия: Лордов Духовных, Лордов Светских и Общины – в Совет, всё же это, по мнению разных учёных мужей, не по принуждению (происходит – М.К.), но из-за его собственного добросердечия, или по причине его обещания, сделанного в клятве во время его коронации»⁴.

Такой вариант взаимоотношения с парламентом, что монарх позволяет сословиям участвовать в управлении государством, по мнению

них ... Корона предстает также и как составное тело, некое объединение короля и тех, кто несет ответственность за сохранение неотчуждаемых прав Короны и королевства. Будучи вечно несовершеннолетней, сама Корона обладала корпоративным характером — с королем в качестве попечителя, хотя опять-таки не только с королем, но и с тем самым телом, составленным из короля и магнатов, которые, как считалось, вместе были Короной или же представляли Ее». Подробнее см.: Канторович Э.Х. Два тела короля. С. 501.

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Corporation”.

² Канторович Э. Х. Два тела короля. С. 479.

³ Там же. С. 482.

⁴ Cowell J. The Interpreter. 1607. “King”.

Коуэлла, является олицетворением его разумности и доброжелательности к подданным. Кроме того, акцент на разрешении в данном случае обозначает, что король никому не подчинён, ни от кого не зависит, а сами мысли о неабсолютности короля в делах управления вообще не допустимы, так как об этом «думать нельзя без нарушения долга и верности»¹. Иначе «мы должны отказать ему в превосходстве над законами и не иметь силы освобождаться от любого позитивного закона или даровать особенные привилегии и хартии всякому, что только его полное право»². Кроме того, король обладает столь сильным авторитетом, что любая вещь, любое дело, совершённые в присутствии монарха, становятся «столь же значимы по природе и влиянию, как и любые письменно зафиксированные»³.

Этим превосходством Коуэлл объясняет право монарха миловать жизнь преступникам, совершившим преступление против короны и его достоинства, не быть подчинённым кому-либо и какому-либо институту власти, право даровать привилегии и собирать их же «в свою руку». «И хотя на своей коронации он даёт клятву не изменять законы земли (королевства - М.К.), не смотря на эту клятву, он может изменять или приостанавливать любой конкретный закон, что кажется пагубным для государства»⁴. Юрист также ссылается на правоведа Генри Брактона, который пишет о том, что король не подчиняется закону в силу того, что он их создаёт. Его власть не может быть ничем ограничена, если только его личным желанием поступиться некоторыми правами добровольно⁵.

Коуэлл в «Толкователе» даёт определение указанной выше клятвы, а также доносит до читателей её смысл. «Клятва короля – это то, что король осуществляет на своей коронации. ... И в старом кратком конспекте статутов, разработанном в дни Генриха VIII, я нашёл то, что описано (ниже –

---

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. “King”.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Подробнее об обращении Коуэлла к Генри Брактому см.: *Паламарчук А.А.* Понять «Толкователя». С. 114-115.

М.К.). Это клятва, что король должен пообещать на своей коронации, что он будет хранить и поддерживать право и свободы священной церкви, что с древних времён дарованы благочестивыми христианскими королями Англии; и что он будет хранить все земли, почести и достоинства благочестивых и свободных (мужей – М.К.) во всех владениях без какого-либо уменьшения надела; ... и что он должен сохранить мир священной церкви; ... и что он должен совершать во всех своих суждениях справедливость и правильное правосудие с благоразумием и милостью; и что он должен разрешать соблюдение законов и обычаев государства, и в его силах хранить их и утверждать их, которые люди и подчинённые создали и выбрали; и злые законы и обычаи полностью извести; и прочный и стабильный мир для людей его королевства сохранять; ... и что он должен не давать хартии кроме как там, где он может это сделать по этой клятве»¹.

Эти строки служат подтверждением того, что монарх, по мысли Джона Коуэлла, в XVI и в XVII вв. считался гарантом прав подданных. И эта идея реализуется в разных сюжетах источника; все жители королевства находятся именно под королевской защитой, соответственно, только монарх мог быть носителем высшей власти, реализовывая которую, он приносил в жизнь общества порядок.

Сюжет, связанный с клятвой, наверное, единственный из всего текста «Толкователя», где король выступает не с позиции своей абсолютной прерогативы и неприкосновенности по многим вопросам. Здесь мы видим обязательства, которые берёт на себя и реализует глава государства во время своего царствования. Правда, при этом они не звучат так, словно это непоколебимые условия, которые необходимо соблюдать и выполнять во время своего «нахождения в должности». Но даже здесь в словах о праве отмены «злых» законов Коуэлл не указывает на путь их изведения. Это может быть единоличная отмена, а может быть коллективное решение с

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Oath of the King".*

парламентом; всё зависит от монаршей воли. При этом в «Толкователе» мы видим только клятву короля, но не видим присяги подданных монарху.

Возвращаясь к трактовке “короля”, отметим, что Коуэлл обращает внимание на мнение некоторых учёных мужей о подчинённости короля законам его королевства, но он не старается вступить в спор по этому вопросу с юристами, придерживающимися этой позиции, а лишь ограничивается упоминанием подобной точки зрения. Это, скорее всего, связано с особенностями жанра словаря, как уже отмечалось ранее, не предполагающего наличие в толковании спорных точек зрения.

В завершении этого определения правовед указывает, что «он имеет в своём праве короны много прерогатив над всяким простым человеком, будь он хоть столь могущественен и благороден...»¹. Не смотря на то, что в Англии функционировал ещё и парламент, который также считался защитником и олицетворением интересов подданных, король, тем не менее, был единственным постоянным должностным лицом, которое не сменялось и обладало «всем величием и авторитетом государства», в отличие от членов сессий парламента и других элементов системы управления².

По Коуэллу, король – это бессмертная и священная персона, а его власть имеет статус совершенной и несравнимой ни с одним институтом или системой, за исключением Бога. И, исходя из этого, он имеет неоспоримое право изменять, создавать новые, упразднять законы, а также вмешиваться в системы права³. В целом, это подтверждает заявленный ранее тезис, что труд носит оттенок идеологии; Коуэлл утверждает короля как неограниченного монарха, что было необходимо не только для узаконивания новой династии, но и полезно в борьбе с парламентскими претензиями. Коуэлл короля видит не только как конкретного монарха, но и как олицетворение наивысшей власти, поэтому у него присутствует деление на тело физическое и тело

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. “King”.*

² *Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. С. 107.*

³ *Паламарчук А.А. Цивилисты в раннестюартовской Англии. С. 64.*

духовное. Духовное тело является совершенным, что даёт королю свободу от различных изъянов, которым подчинены все простые смертные. Он существует в отрыве от конкретной эпохи и в то же время реализует свои полномочия в образе того или иного правителя в чётко определённый период, а клятва при коронации не может его ограничить в применении своих привилегий¹.

Получается, что, как указывает У. Холдсуорт, у короля есть два тела: естественное – физическое и политическое – совершенное, не подверженное старению, его нельзя увидеть, но можно проследить через управление государством и регулирование жизни общества². И поскольку эти два мира соединяются в едином теле правителя, Коуэлл считает, что главенство в этом союзе одерживает политическое воплощение.

Пассаж, связанный с королём, является одним из основных, но не единственным, который даёт нам определение монарха. Поэтому следует упомянуть ещё два понятия: “Prince” – принц и “Queene” – королева.

Первое – “prince” – он толкует по-разному, поскольку это слово используется «иногда для короля как такового, но чаще для старшего сына короля, кто есть принц Уэльса; как старший сын французского короля – дофин, оба – принцы по рождению»³. Но, хоть Коуэлл и отдаёт предпочтение второму значению этого слова, в его же словаре часто в описании различных сюжетов, связанных с королём или королевской властью, используется “prince” именно в значении самого короля. «Принц» в данном случае – это синоним слова «король».

Второе – “queene” – имеет следующее значение: «это или та, что держит корону этого королевства по праву крови, или же она та, что замужем за королём. В первом значении она во всех истолкованиях то же самое, что и король, и имеет ту же власть во всех отношениях. В другом значении она

---

¹ Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли?..». С. 65.

² Holdsworth W. S. The Prerogative in the Sixteenth Century. P. 557.

³ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Prince”.

есть нижестоящая инстанция и человек, защищённый привилегиями короля. Ибо она может судить и быть осуждённой под собственным именем. Ещё то, что она имеет, принадлежит королю»¹. В целом в источнике не так много внимания уделяется «королеве», поскольку в первом значении она олицетворяет то же, что и король, обладает теми же правами, а значит это лишь феминатив. Во втором же значении «королева» - это подданная короля, которая хоть и стоит выше всех остальных в этой социальной иерархии, но также подотчётна законам королевства, не имеет неприкосновенности и может быть осуждена.

Интересно, что Коуэлл в свой словарь вставил название меча короля Эдуарда Исповедника, который «является первым мечом, который несут перед королями этой земли во время их коронации»². Возможно, что здесь это предмет обряда обозначает факт передачи власти, в отличие от привычной короны.

Продолжая размышления о королевской власти, следует обратиться к трактовке его прерогатив.

Термин “*Prærogative of the King*” —« прерогатива короля», которому автор также отводит весьма внушительное место в «Толкователе», как и “король”, был в центре полемики, которая развивалась не только в рамках юридических дискурсов начала XVII в., но за их пределами, перейдя на уровень дебатов и споров в парламенте³.

Известно, что у короля была целая совокупность особых прав и привилегий, которые, если так можно сказать, указывали на его исключительность, верховенство над подданными, главенство в вопросах судебных, финансовых, военных и пр. Как указывает Д. Юм, сюда относятся право короля «делать изъятия из законов, заключать, в тюрьму, требовать займы и добровольные пожертвования, устраивать принудительные

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. “Queene”.*

² *Ibid. “Curteyn”.*

³ *Паламарчук А.А. Цивилисты в раннестюартовской Англии. С. 104.*

рекрутские наборы, размещать на постой солдат, изменять величину таможенных пошлин и учреждать монополии»¹. И это далеко не весь спектр особых прав, поскольку по факту королевские прерогативы простирались на многие вопросы, и ограничением им служили только законы. Причём тенденция была такова, что в начале XVII в. парламент желал расширить свои права за счёт ограничения королевских прерогатив. Поэтому не удивительно, что Коуэлл, как сторонник роялизма, в «Толкователе» довольно скрупулёзно пытается выявить все особые права монарха. Большая их часть приводится в толковании «прерогативы короля», но некоторые встречаются и отдельно в словаре.

Поскольку трактовки особых полномочий и прав различались в трудах современников в зависимости от того, какую социально-политическую или религиозную группу представляет автор, то стоит обговорить, что юристы, в том числе и Коуэлл, отражали их как нечто вечное, строго определённое, не поддающееся каким-либо изменениям и спорам об их правомерности².

Вот, что Коуэлл понимает под прерогативой короля. «Прерогатива короля (*praerogativa regis*) – это та особенная сила, превосходство или привилегия, которой король обладает в любом качестве свыше других людей, и над обычным течением общего права в праве своей короны. И это слово (*Praerogativa*) используется цивилистами в том же смысле ... Но как и те, кто занимается феодальным правом под *jure regalium*, так и наши юристы общего права (под *praerogativa regis*) включают (сюда – М.К.) все те абсолютные вершины власти (что знатоки римского права называют *majestatem*, либо *potestatem*, либо *jus imperii*), которые подчиняются только Богу»³.

Дальше Коуэлл в этом же разделе размышляет о понятии “*regalia*” (т. е. об исключительных правах): «Те, кто занимается феодальным правом,

---

¹ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. Т. 1. С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Praerogative of the king”.

разделяют на 2 вида: *majora* и *minora regalia*»¹. Первая подразумевает превосходство короля, его власть как нечто величественное и абсолютное, вторая же связана с вопросами повседневности, с финансами и налогообложением, с практическими функциями короля. Как дальше указывает юрист, «другие также разделяют (*majora regalia*), что относится к достоинству правителя, а также *minora*, которая обогащает его казну (дословно сундуки – М.К.)... При этом представляется, что статут о Королевской Прерогативе² включает в себя не всю сумму королевских прерогатив, а только множество из этого, что касается дохода его казны, растущего благодаря достоинству его королевской силы и короне. Ибо более чем ясно, что его прерогатива простирается намного дальше. ... Например, в королевской прерогативе даровать защиту своим должникам от других кредиторов до тех пор, пока он (король – М.К.) не будет удовлетворён; ... требовать долг предков с наследников, хотя они и не особо связаны; ... быть первым на выплате у того, кто должен деньги ему (королю – М.К.) и другим; брать в свои руки земли ответчиков для собственного удовлетворения»³. Коуэлл перечисляет ещё несколько прерогатив монарха, которые преимущественно связаны с финансами его арендаторов, их правами в суде и отношении короля ко всему этому.

Далее он продолжает: «Теперь для этих регалий, которые имеют высшую природу (все находятся в пределах его прерогативы и законно содержатся в его титуле), нет ни одной, которая принадлежала бы самому абсолютному монарху в мире, которая не принадлежит нашему королю, за исключением традиций народов столь различных, что одна вещь в одной стране соответствует королевским привилегиям, а в другой – нет. Только в связи с обычаями этого королевства он не может издавать никаких законов без согласия трёх сословий, хотя он может аннулировать любой закон,

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Praerogative of the king"*.

² Ссылается на «Статут о королевской прерогативе» XIV в. Документ времён Эдуарда I, где указаны прерогативы, которыми обладал монарх.

³ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Praerogative of the king"*.

принятый ими»¹. Важно отметить фразу Коуэлла, что «король Англии – абсолютный король»².

К “*majora regalia*” относится: «заключение о полноте власти, и из этого (право – М.К.) назначать кого-либо; составлять законы; ... объявлять войну; ... выносить приговор так, что решение не может быть подвержено опровержению; ... знать об оскорблении величества; узаконивать через королевский указ тех, кто вне законного брака рождён, восстановить в неиспорченности репутации, чести и происхождении; милость старости даровать; назначать военачальников; ... королевство на феодалов даровать. Сюда же может относиться право строительства школ, которые в настоящее время университетами и академиями именовались; также право назначать докторов; обозначать степень свободы кого-либо; назначать магистратов, нотариусов, секретарей; право даровать знаки отличия дворянам или создавать нобилитет; право чеканить монеты, вводить новые налоги, или обогащать институт налогов»³.

К понятию “*regalia minora*” относятся контроль за «дорогами государства, речной навигацией, портами, морскими побережьями, налогообложением, чеканкой монеты»⁴, а также «дарование бесхозных земель, добро с которых отнято несправедливо; дарование (чего-либо: имущества и прав – М.К.) тем, кто омрачён в браке кровосмешением; дарование осуждённым и объявленным вне закона; почтовая повинность; гужевая повинность; чрезвычайные сверхустановленные ... сборы; власть устанавливать магистратов для уравнивания правосудия; деятельность менял ... доходы с рыбной ловли; ... открытые клады»⁵.

Заметим, что перечисляя эти прерогативы, видно копирование прав и привилегий римских императоров, поэтому Коуэлл добавляет, что они

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. “Praerogative of the king”.*

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

«могут быть легко сравнимы с прерогативами нашего короля, и также различия отмечаются между ними и нами»¹. Разграничение регалии на *majora* и *minora* не носит строгого характера. Даже сам автор отмечает, что многие прерогативы находятся в пространстве между ними, как, например, власть над сбором дани (налогов) или чеканка монет, поскольку само право относится к *majora regalia*, но реализация права, а также сам доход - это уже *minora regalia*.

Список прерогатив по источнику довольно большой, но отражены они не только в этом разделе. Например, в толковании понятия “Royalties” о королевских привилегиях и достоинствах, Коуэлл указывает, что «некоторые из них такие, какие король может даровать обычным людям, но некоторые столь высоки, что не могут быть отделены от его собственной короны»².

Стоит отметить, что Коуэлл, хоть и перечисляет прерогативы, всё же не указывает, от чего происходит то или иное право монарха, лишь констатирует факт его наличия, давая ссылки на статуты или мнения других правоведов, которыми он сам пользовался. Иногда он указывает, что то или иное право было и у более ранних правителей, тем не менее, глубокого анализа он не делает. Формулировки прерогатив носят характер общих положений, конкретных границ их действия и примеров мы не встречаем. Поэтому можно предпринять самостоятельную попытку разграничить эти прерогативы, основываясь на том, от какого права они происходили.

Прерогативы имели значение в тех случаях, когда нужно было обосновать то или иное решение короля или тех, кому король делегировал свои права. Н. Хеншелл приводит всем известную фразу «именем короля», которая и подразумевала использование королевской прерогативы в конкретном случае³. Использование особых преимуществ подразумевало

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. “Praerogative of the king”.*

² *Ibid. “Royalites”.*

³ *Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западно-европейской монархии раннего Нового времени / Пер. с англ. А.А. Паламарчук. СПб., 2003. С. 173.*

обращение с ними в соответствии с нормами природы, морали, с законом, иначе «применение прерогатив было взрывоопасно, так как при этом больше людей страдало, чем выигрывало»¹.

Хоть полномочия короля и были почти единодушно признаны подданными, тем не менее, монарху приходилось отбиваться от нападков на его особые привилегии, которые зачастую исходили от парламента. Но, по очень удачному замечанию Д. Юма, король всегда пользовался своими правами, даже если они ставились вне закона. «На практике он всякий раз избегал их действия и возвращался к прежнему деспотическому правлению»².

Прерогативы не были явлением спонтанным, они имели под собой базу на основе права разного характера, о чём указывает исследователь В. А. Томсинов³. Имея под собой юридическую опору, одни привилегии происходили от гражданского права, и «совокупность таких полномочий именовалась абсолютной или экстраординарной прерогативой»⁴. Есть те, которые происходят из общего права, другие - от божественного права, кроме того исследователь выделяет феодальное право, из которого берёт свой начало феодальная прерогатива⁵. Не будет лишним остановиться на этом вопросе чуть подробнее.

Первая – **абсолютная прерогатива**, в рамках которой монарх представляет собой ни что иное, как главу королевства. Он не зависит в своих решениях ни от кого, в том числе от глав других государств и римского папы, поскольку является верховным правителем в своём королевстве, для чего Коуэлл использует словосочетание «*Crowne in grosse*»⁶, что означает власть короны в рамках своего королевства. Это проявляется в

---

¹ Хеншелл Н. Миф абсолютизма.

² Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. Т. 1. С. 107.

³ Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. С. 54-55.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же.

⁶ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Capite”.

том, что он находится над всеми законами, учреждениями и правилами. Поэтому «никто не может допустить, чтобы наш король или корона были верны как вассалу кому-либо, но только Богу»¹. Эта прерогатива принадлежала только королю и не могла быть передана им любому другому лицу.

Подобная власть выражается в следующих правах короля: «право назначать мировых судей, прощать преступления, даровать права гражданства или освобождать от нарушений статутов, которые могут быть совершены в будущем»². По Коуэллу, сюда также относится объявление войны, восстановление в правах, создание университетов, право чеканки монеты, введение новых налогов.

Вторая прерогатива – **ординарная** происходит от общего права и формировалась на основе обычаев. Она сковывает действия монарха, поскольку, согласно традиции, король и парламент существуют бок о бок, делят власть и не могут быть независимыми сами по себе в своём праве. Поэтому королю необходимо согласовывать свои действия с парламентом, считаться с его мнением, что уже не вписывается в типичную для позитивистов концепцию абсолютного правителя. Король является высшим должностным лицом в своей монархии. Как указывает В.А. Томсинов, «в юридическом смысле король и парламент выступали в этом случае как единый орган государственной власти — король-в-парламенте (king-in-parliament)»³.

Тут вполне закономерно встаёт вопрос о том, какую роль в управлении государством сыграл указанный представительный орган. Его положение вызывает множество противоречий среди исследователей, поскольку парламент в Англии, в сравнении со схожими по структуре институтами других государств был более влиятельным институтом.

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Fee".*

² *Holdsworth W. S. The Prerogative in the Sixteenth Century. P. 558-559.*

³ *Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. С. 55.*

В этой связи необходимо поговорить о трактовке Коуэллом “парламента”. Читаем: «французское слово, означающее обычно тоже, что и (collocutio) или (colloquium)... В Англии мы используем для собрания короля и трёх сословий королевства: Лордов Духовных, Лордов Светских и Общин для дебатов по делам, касающихся общего благосостояния и особенно для составления и изменения законов. Такое собрание или суд является самым высшим»¹. Ссылаясь на Полидора Вергилия, Коуэлл пишет, что учредил его возможно Генрих I, хотя считает, что его использовали и ранее, хотя и редко. Подобная точка зрения имела место и активно пропагандировалась в рамках придания парламенту большего веса в делах управления, хотя в XVII в. уже постепенно складывалось мнение об образовании первого парламента в XIII в.².

Коуэлл приводит случай, когда король Генрих VI освободил графа Ричарда, Эрла Уорвика от должности капитана города Кале, на что последний ответил отказом и продолжил выполнять свои обязанности, «потому что он получил её (должность – М.К.) от парламента. Но один пример не может создать доброго принципа»³. И в таком случае наш правовед считает, что решение короля стоит выше: «Из этих двух только первый должен быть истинным, что или король находится над парламентом, а именно позитивных законов его королевства, или же, что он не абсолютный король. И по этой причине, хотя это будет милостивая политика и также политическая милость (нет разницы без большой опасности) создавать законы с согласия всего королевства, потому что так ни одна часть (имеется в виду сословие – М.К.) не сможет иметь основание для жалобы на предвзятость; однако только обязать монарха к этим законам и этими

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. “Parlament”.*

² *Дмитриева О.В. «Честный Ламбард» и «германистическая» концепция древнего парламента. С.4.*

³ *Cowell J. The Interpreter. 1607. “Parlament”.*

законами означает противоречить природе и устройству абсолютной власти монархии»¹.

Далее Коуэлл обращается к римскому материалу. «Императоры Рима имели свой семестровый совет (*semestria consilia*) и свои претории (*praetorium*) или место совета, построенное Августом в его дворце, и впоследствии названное *palatium*, позднее переименованное в консисторий, где они, как в своём главном суде, разбирали два вида величайших дел своих, и также создавали свои конституции. И здесь им помогали те многие из мудрых в своей империи, которых Август впервые назвал советниками ... И эти мужи в этом отношении были удостоены большой почести и пользовались многими привилегиями. Тем не менее, они были всего лишь помощниками императора, могли советовать ему, но не оспаривать какую-либо власть над ним или равняться с ним»².

Собственно, в этом сравнении чётко видна позиция Джона Коуэлла о характере власти парламента. Это не более чем совещательный орган, который не может быть равным по авторитету с королевской властью. Складывается впечатление, что само существование этого органа поддерживается традицией и благосклонностью монарха, его желанием иметь поддержку от трёх сословий, хотя особой необходимости в этом он не имеет, поскольку может управлять государством так, как ему будет угодно, используя для оценки своих действий лишь мерило в виде Бога.

Эта ординарная прерогатива явно подчиняется закону, хоть Коуэлл и старается изобразить в характеристике монарха, что подчинение это идёт от благородного желания короля на самоограничение. Но, тем не менее, как указывает У. Холдсуорт, «существует широкая сфера, в которой король может действовать по своему усмотрению»³. Он обладал привилегией принимать меры, которые считал необходимыми в чрезвычайных ситуациях.

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Parlament"*.

² *Ibid.*

³ *Holdsworth W. S. The Prerogative in the Sixteenth Century. P. 561.*

Но в рамках дел, у которых есть юридически закреплённый порядок выполнения, он придерживается закона.

Третья прерогатива – **божественная**, так как исходит от власти Бога. Английские короли считались наместниками Бога на земле, только перед ним они держали слово за все действия, совершенные ими; не было другой высшей инстанции в отношении королевских дел. Смысл прерогатив, основанных не этом праве состоит в том, что король, насколько бы не была его власть абсолютной по характеру, не мог творить законы и совершать дела, которые бы причинили вред общественному благосостоянию, именно божественная санкция даровала большие свободы монарху, но и она же сдерживала короля от произвола, можно сказать, не давала королю перейти от абсолютного благодетеля к ревностному тирану. «Никто не может допустить, чтобы наш король или корона были верны как вассалу кому-либо, но только Богу»¹.

В этой связи интересно привести цитату Елизаветы I, обращённую парламенту в 1601 году: «И так как Я есть та Персона, которая все еще пребывает под властью Бога, то поэтому, заявляю вам торжественно, мне доверено Всемогущей Властью Бога быть его Инструментом для предохранения вас от зависти, опасности, бесчестия, позора, тирании и насилия... Я знаю, Титул Короля — Славный Титул; но уверяю вас, что сияющая слава Королевской Власти не слишком ослепила глаза нашего разума; мы, тем не менее, знаем и помним, что мы также подвержены Отчету за наши Действия перед великим Судией»². Из этого следует, что божественное право и божественные прерогативы – это не материальные привилегии правителей, а скорее абстрактные категории, сопряжённые с моралью.

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Fee"*.

² Цитата приведена в переводе *В.А. Томсинова*. См.: *Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. С. 57.*

Последняя – **феодалная прерогатива** состоит в том, что в Англии король является первейшим держателем земли, главным сюзереном, который имеет право делить землю так, как ему вздумается, и даровать её тем, кого посчитает достойным. «Король – первейший покровитель всех бенефициев в Англии»¹. Условия держания земли были чётко регламентированы, и чаще всего сводились либо к повинностям, либо к рыцарской службе короне. Причём специфика английского феодального права состоит в том, что все земли королевства являются доменом правителя. Какое бы место ни занимал человек в феодальной иерархии, он всё равно держал свою землю от короля, хотя мог и быть связан с сеньором меньшего ранга.

Феодалная иерархия выстраивается в связи с проведением особого ритуала – оммажа. «Homage – фр. слово, означающее *fidem clientularem* (верность зависимости – М.К.), ибо в первоначальных пожалованиях земли и владении в виде пожертвования лорд не только присоединял (к себе – М.К.) своих арендаторов и содержал людей на своей земле за определённую службу, но также принимал повиновение с обещанием и присягой быть верным и преданным ему как лорду и покровителю. Это повиновение и названо оммажем... когда свободный человек совершает оммаж лорду, от которого он держит *in chiefe* (напрямую от короля – М.К.), ему следует сложить свои руки вместе между руками лорда, и ... сказать следующее: я становлюсь твоим человеком с этого дня на всю жизнь для участия и для славной чести и буду обязан вам моей верой за землю, которую я держу от вас, храня веру, что я обязан нашему Повелителю Лорду-королю и моим другим лордам. И в этой манере лорд земли, ради которого оммаж совершается, принимает его от каждого арендатора, приходящего на его землю»².

---

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. "Paramount".

² Ibid. "Homage".

В связи с оммажем стоит рассмотреть такую королевскую прерогативу, которую Коуэлл именует «*Primier seisin*»¹, что подразумевает право первого владения. Согласно Коуэллу, монарх обладает правом первого держания, и в такой ситуации, когда прямой держатель земли от короля умирает, земельный надел переходит под руку короля до тех пор, пока он не передаст его наследнику, принёсшему оммаж. Также он может передать надел кому-либо другому, кого посчитает достойным этого. В.А. Томсинов указывает, что это право было законодательно утверждено во второй половине 60-х годов XIII века, причём путь становления этой прерогативы был непростым, поскольку долгое время с этим правом монарха не считались. Окончательное закрепление оно получило в документе «О королевской прерогативе» времён Эдуарда I, и после этого уже не вызывало сомнений². Но к началу XVII в. феодальное право начинает себя изживать, поэтому король лишается своей феодальной прерогативы, поскольку английское общество к этому времени перестало носить характер вассально-ленного образования. Связано это с тем, что появляется большая прослойка тех, кто обладает землёй не за рыцарскую службу или повинности, а потому что смог приобрести её. Такие землевладельцы фактически уже не представляли собой держателей земли от короля (*in capite*³). И теперь акцент смещается с земельной зависимости от монарха на абстрактное представление о том, что каждый связан службой и долгом с королём лично, а не через материальное воплощение в виде надела⁴.

В «Толкователе» Коуэлла мы же наоборот видим весьма обстоятельный перечень тех налогов, сборов и прав, которыми король обладал, в том числе и по феодальной прерогативе.

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Primier seisin"*.

² *Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. С. 60-62.*

³ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Capite"*.

⁴ *Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. С. 64.*

Как указывалось ранее, у английского монарха существовал большой спектр прерогатив. Их весьма условно можно разделить на финансовые, судебные, законодательные, административные и международные. И в этом случае стоит обратить внимание на те термины, которые характеризуют королевскую власть как институт и не упоминались выше в изложении прерогатив.

Говоря о **финансовых прерогативах** короля, отметим следующие, о которых упоминает Джон Коуэлл:

1.«Субсидия (subsidium) происходит от фр. “Subsidie”, означающего налог или сбор, определённый парламентом и разрешённый третьим сословием, который будет взиматься с каждого подданного в соответствии с величиной его земель или товаров после оценки в 4 шиллинга с фута земли и 2 шиллинга 8 пенсов за движимое имущество, как это чаще всего используется в наши дни. Некоторые придерживаются позиции, что эта субсидия даруется подданными монарху в качестве компенсации или возмещения, что, поскольку монарх из своей абсолютной власти может составлять законы самостоятельно, он делает (это – М.К.) в одолжение признания согласия его подданных»¹.

2. Коуэлл в свой труд включает и обратный пример, когда король, если так можно выразиться, «сложил с себя» определённые полномочия в изъятии средств с подданных. Например, раздел, именуемый “Task иначе Tare”. Читаем: «Это брит. слово, означающее дань. И кажется, что это такой вид дани, как будучи подсчитанным для каждого города, имел место быть ежегодной выплатой. Сейчас это не выплата, но (утверждается – М.К.) с согласия парламента, как Субсидия»². Разница с последней состоит в том, что она собирается не с каждого отдельного жителя, а со всем разом, как от общины города. Примечательно то, что юрист пишет далее: «Кажется, что в древние времена это налог был наложен королём в его удовольствие, но

---

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Subsidie”.

² Ibid. “Task”.

Эдуард I ... ограничил себя и своих наследников с этого времени и далее не взимать это»¹. И в таком случае мы вновь видим, что королевская власть идёт на уступки в интересах своих подданных, что выставляет короля в наилучшем свете. В целом Коуэлл мог и не добавлять этот термин в «Толкователь», но сделал это, скорее всего, намеренно.

3. Король также имеет право на такие налоги или сборы, как например, «poundage - это субсидия, предоставляемая королю со всех видов товаров от каждого купца местного и иностранного, вывезенных из королевства или ввезённых сюда же»².

4. Коуэлл упоминает о праве короля на изъятие кладов, отмечая при этом расхождение в системах гражданского и общего права по этому вопросу. «Хотя гражданское право отдаёт это нашедшему, согласно законам природы, всё же закон Англии отдаёт это королю по его прерогативе»³. Раньше за сокрытие следовала или смерть, или лишение конечностей, но во времена Коуэлла - тюремное заключение или штраф.

5. Ещё один интересный сюжет, связанный с товарами, которые вынесло море на берег. Согласно знаниям правоведа, «Wreck - это потеря корабля и товаров на нём, остановленного бурей или другим невезением в море ... товары, что были на корабле, будучи доставлены на сушу волнами, принадлежат королю по его прерогативе»⁴.

6. «Benevolence» - беневоленция, что подразумевает поборы с населения, совершаемые под видом добровольного подношения»⁵.

7. «Prisage, кажется, является тем обычаем или долей, что принадлежит королю от тех товаров, которые прибывают морем в виде законного подарка»⁶.

---

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. "Task".

² Ibid. "Poundage".

³ Ibid. "Treasure trove".

⁴ Ibid. "Wreck".

⁵ Ibid. "Benevolence".

⁶ Ibid. "Prisage".

8.«Seignourage означает королевскую привилегию или прерогативу, что он требует часть золота и серебра, принесённых в массу на его Биржу»¹.

9.«Foder» – корм для скота короля, иначе фураж. Коуэлл указывает, что это используется в качестве прерогативы. Король обеспечивается зерном и другой провизией за счёт подданных во время воин и походов².

10.«Tenths» (десятина) – «это та ежегодная дань, которую все живущие каноники совершают королю»³.

11.«Hidage – это экстраординарный налог, который надлежит выплатить с каждой пахоты»⁴.

12.«Impost» – таможенная пошлина, это «французское слово, означающее сбор, который король получает с таких товаров, которые прибыли от других народов»⁵.

13.«Quinsieme» (пятнадцатина) – налог, наложенный на подданных королём⁶, составляющий 1/15 с имущества.

Несколько странно то, что десятина и пятнадцатина собираются по тексту источника в пользу короля, но не королевства, поскольку уже ко времени Генриха VII парламент был ответственен за сбор этих видов налога, соответственно, они не относились напрямую к королевской прерогативе⁷. В абсолютной прерогативе король мог претендовать на сборы, необходимые для ведения войны, хотя Ю.И. Царева указывает, что грань между разными поборами разных видов прерогатив была довольно зыбкой, а финансы могли переходить под другое название налога⁸.

Если продолжать разговор о финансовой прерогативе короля, то стоит отметить следующее понятие. «Horngeld» означает налог в пределах

---

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. «Seignourage».

² Ibid. «Foder».

³ Ibid. «Tenths».

⁴ Ibid. «Hidage».

⁵ Ibid. «Impost».

⁶ Ibid. «Quinsieme».

⁷ Царева Ю.И. Древние Королевские прерогативы и парламент в XVI-XVII вв. С.

⁸ Там же.

леса, оплаченный за рогатых животных. И быть освобождённым от этого есть привилегия, дарованная королём тем, кого он посчитает достойным»¹. Получается, по Коуэллу, что король может не только претендовать на единоличное введение новых налогов, но и также на ограничение действия уже имеющихся без одобрения парламентом.

Королевская власть находит своё отражение и в **судебных прерогативах**, поскольку, согласно определению Джона Коуэлла, “justice”, т.е. судья «это фр. слово и означает того, кому делегировано королём творить право через суд»². Из этого получается, что суд, его должностные лица и само право вершить правосудие исходит от короля в силу его абсолютной прерогативы. Кроме того, монарх не мог быть осуждён, поскольку, по замечанию В.А. Томсинова, «в распоряжении истцов или обвинителей не было суда, посредством которого можно было бы заставить его платить штраф или нести какое-нибудь другое наказание»³.

Монарх должен быть гарантом справедливости суда государства. Но, как ранее было указано, он вправе делегировать свои полномочия различным должностным лицам. Так, например, “chancellor” – канцлер, который, согласно Коуэллу «главный человек по вопросам справедливости (особенно в частных вопросах), следующий после монарха (в делах судебных – М.К.). В то время как другие судьи в нашем государстве привязаны к закону и не могут отклониться от него в суждении, канцлер обладает в этом королевской абсолютной властью смягчать и регулировать писаное право и подчинять самому себе законы о природе совести, упорядочивая вещи ближе к справедливости и добру»⁴.

Король предоставляет защиту и обеспечивает мир на территории своего королевства. В определении понятия “peace of the king” –

---

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Horngeld”.

² Ibid. “Justice”.

³ Томсинов В. А. Модернизация политической системы Англии в XVI– первые десятилетия XVII в. С. 98.

⁴ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Chancellor”.

«королевский мир» Коуэлл указывает, что «это мир и безопасность, как для жизни, так и для вещей, которые король обещает всем своим подданным или иным, взятым под его защиту»¹.

Под защитой короля находятся не только его непосредственные подданные, но также и те, кто временно находится на территории королевства. В рамках «мира» король представляет человеку определённые возможности. В этой связи интересно посмотреть значение слова “denizen”, которое подразумевает «в нашем общем праве пришельца, которому предоставляются права гражданства здесь, в Англии, по королевской хартии ... почти во всех отношениях делать (всё – М.К.), как это делают коренные подданные короля: а именно приобрести и обладать землями, чтобы быть способным на любую работу и звание... И когда человек так получает гражданские права, он считается находящимся под защитой короля, до этого же времени он ничего не может делать в Англии. Он и его товары могут быть захвачены для королевского использования»².

Но помимо приобретения этой защиты, её можно и потерять. «Outlawry – (объявление вне закона) – это потеря или лишение выгоды, принадлежащей субъекту, что (значит лишение – М.К.) защиты короля и королевства»³.

Король, как высший судья государства, имеет исключительные права помилования и прощения. Он вправе использовать их в отношении тех, кого посчитает достойным этого. Об этом Коуэлл говорит в разделе “Pardon” – прощение. «Это фр. слово, означающее тоже, что и мир, милость, благосклонность. Оно используется общеизвестно в нашем общем праве для смягчения или прощение преступников или других, совершивших проступок против короля. Это прощение есть в двух вариантах ... Pardon ex gratia Regis – это то, что король в некоем особом отношении к человеку или к другим

---

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Peace of the King”.

² Ibid. “Denizen”.

³ Ibid. “Outlawry”.

обстоятельствам демонстрирует или наделяет своей абсолютной прерогативой или силой»¹. Также стоит привести значение слова “mercy” – помилование, что «означает арбитраж или усмотрение Короля или Лорда в наказании за любое правонарушение, которое не подлежит прямому осуждению законом»². Помилование – это одна из самых древних королевских прерогатив, которая позволяла монарху в особых случаях смягчить условия судебного решения, например, приговор к смертной казни можно было заменить на пожизненное заключение.

Эти права исходят именно от абсолютной власти короля, поэтому не могут быть отторгаемы от его высокой особы, не смотря на законное решение, а также не могут быть аннулированы.

Отдельно стоит посмотреть, что Коуэлл пишет об «измене» (“treason”). «Происходит из фр. и значит преступление, совершённое против величия и величества государства»³. Ссылаясь на других авторов, Коуэлл выделяет государственную измену (“high treason”) и мелкую измену. Государственная определяется как «осквернение, совершённое против безопасности общего блага или королевского высочайшего величества: воображение ли, слово или действие, как замышлять или представлять измену, или смерть монарха или королевы, его жены, или его сына и очевидного наследника; или (как – М.К.) надругаться над королевской женой или его старшей незамужней дочерью, или над женой его старшего сына; или начать войну против короля в его королевстве; или присоединиться к его врагам, оказывая им помощь; или подделывать королевскую большую печать, малую печать или деньги; или умышленно приносить фальшивые деньги в это королевство, подражая деньгам Англии и выражать словами тоже самое; или убивать королевского канцлера, казначея, судью одной из скамей, или других ... находящихся на своём месте и делающих свою работу

---

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Pardon”.

² Ibid. “Mercy”.

³ Ibid. “Treason”.

... В случае такой измены человек теряет свои земли, имущество только в пользу короля»¹. В данном случае государственная измена в каком бы виде она не была задумана и совершена считается изменой королю и общему благу королевства в его лице и может быть предана осуждению вплоть до смертной казни.

Примечательно, что В.А. Томсинов указывает, что трактовка «измены» как преступления именно против персоны короля сохранялась вплоть до судебного разбирательства по делу «Порохового заговора» (1605 г.). В ходе судебных прений обвинители высказали мысль, о том, что это преступление не только против монарха и его семьи, но и против государства². И в тексте «Толкователя» мы видим, как понятие «измены» уже выходит за рамки персоны короля, поскольку этим видом преступления является вред, причинённый королевству. В этом смысле труд Коуэлла является переходным и содержит в себе те идеи, которые только получали распространение в королевстве.

В реализации своего права как высшего судьи королевства, монарх создаёт новые суды, назначает судей, а также сам вершит правосудие от своего лица в Суде королевской скамьи. Он назначает таких должностных лиц, как Лорда-канцлера, Главного судью Англии³, Атторнея – главного прокурора⁴, судей Палаты Прошений⁵, Лорда-распорядителя⁶, главу Суда по опеке и ливреям⁷ и сюрвейера это же суда⁸ и др.

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Treason".*

² *Томсинов В. А. Модернизация политической системы Англии в XVI– первые десятилетия XVII в. С. 97.*

³ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Capitalis Justiciarius Angliae" в разделе "Justice of the King's Bench".*

⁴ *Ibid. "Attorney".*

⁵ *Ibid. "Court of Requests".*

⁶ *Ibid. "Stuard".*

⁷ *Ibid. "Master of The Court of Wards and Liveries".*

⁸ *Ibid. "Surveiour".*

Король обладает **законодательной прерогативой**, которая реализуется через издание прокламаций, хартий и статутов совместно с парламентом.

Интересна трактовка автором понятия «хартии» (“charter”), где он указывает, что «хартии короля – это те, в которых король даёт разрешение какому-либо человеку или нескольким или какому-либо политику», среди которых можно выделить хартии прощения, освобождения и т.д.¹. Хартиями король даровал не только свободы, права, но и назначал на должности, например, эрлов (графов)², о чём можно прочитать в источнике.

В делах дарования хартий король должен быть неподвластен какому-либо влиянию. Они могли быть пожалованы по разным причинам, и необходимо отметить один пассаж, связанный с фразой “ex mero motu”. «Эти слова обычно упоминаются в каждой хартии монарха, в которой он обозначает, что он делает то, что сформулировано в хартии по собственной воле и мотивации без каких-либо претензий или внушений, сделанных кем-то другим. И эффект от этих слов в том, чтобы обнажить все исключения, которые могут быть приняты в документе, в котором они содержатся, утверждая, что монарх, передавая эту хартию, не был оскорблён каким-то ложным внушением»³.

Но, не смотря на весь лоск, который Коуэлл старается придать королевской власти, самодостаточной и непоколебимой, он всё же указывает на союз монарха и парламента. В толковании слова “statute” – «статут» мы встречаем следующее определение: «Статут имеет разные значения в нашем общем праве. Первое – это означает декрет или акт парламента, составленный монархом и тремя сословиями, которые есть тело всего королевства»⁴. Но автор не старается развить или опровергнуть это

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. “Charter”.*

² *Ibid. “Earle”.*

³ *Ibid. “Ex mero motu”.*

⁴ *Ibid. “Statute”.*

утверждение, а приводит точку зрения, которая исходит ещё от времён Генриха VIII, что король сильнее в союзе с представителями королевства.

Что же касается «прокламации», то здесь Коуэлл указывает следующее: «это публичное заявление, данное на что угодно, что король считает правильным объявить своим подданным»¹. Считается, что прокламация была законодательным актом, принятым только королём без утверждения парламентом². Однако в «Толкователе» мы не встречаем утверждения, что подобный акт короля является во всех смыслах законов. В то же время здесь нет указаний и на то, что прокламация не имела силы юридического документа. Автор ограничивается весьма странной трактовкой и фактически ничего не говорит о силе подобного документа.

К административным прерогативам монарха относится создание новых органов управления, контроль над деятельностью местного администрации, назначения на должности, кроме того, как глава англиканской церкви, монарх регулировал и эту сферу жизни своих подданных.

Высшая ступень английской администрация начала XVII в. представляла собой следующее: во главе управления государством стоял король, который опирался на Тайный Совет, состоящий из лично выбранных королём людей. Совет был совещательным органом, который нес ответственность только перед монархом. В него входили хранители Большой и Малой печатей, лорд-канцлер, главный казначей и др. Король также опирался на парламент, состоящий из двух палат, который по своему праву созывал и распускал. Помимо он мог назначать глав отдельных ведомств. У короля также был целый штат лейтенантов, которые являлись заместителями короля на местах и представляли его личность³.

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Proclamation"*.

² *Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. С. 213.*

³ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Lieftenant"*.

В отношении церкви Коуэлл нам даёт следующую информацию. Помимо того, что король был главой англиканской церкви, юрист приводит ещё и такой титул, дарованный ему Папой Львом X: «defender of the faith – это особенный титул, данный Папой королю Англии ... за письма против Мартина Лютера»¹. Известно, что к моменту издания «Толкователя» церковь в Англии стала независима от римского престола, но титул сохраняется за английскими монархами до сих пор.

Король как глава церкви имел следующие полномочия, которые в основном были связаны с организацией управления на местах, а именно:

1. Разрешать церковным ячейкам избирать своих глав. «Conge d'eslire – истинно фр. (фраза – М.К.) и означает в нашем общем праве королевское разрешение декану и главе (прихода – М.К.) во время отпуска (оставления поста – М.К.) избирать епископа, или аббатству или монастырю в его собственном основании избирать их аббата или приора ... король Англии, как верховный патрон всех архиепископств, епископств и других церковных бенефициев, имел в древние времена (право – М.К.) свободного назначения всех духовных санов, когда каким-то способом они оказались недействительными... Король Иоанн был первым, кто стал практиковать выдачу разрешения декану и главе (прихода – М.К.) избирать епископа во время отпуска (оставления поста – М.К.), или аббатству или приходу, который имеет королевскую основу избирать аббата или настоятеля»².

2. Вводить церковных представителей в должность: «Regio assensu – это предписание, в котором король даёт королевское согласие на избрание епископа или аббата»³.

3. Давать королевское разрешение на избрание: «Royall assent (королевское разрешение – М.К.) – это одобрение, которое король даёт на

---

¹ Cowell J. The Interpreter. 1607. “Defender of the faith”.

² Ibid. “Conge d'eslire”.

³ Ibid. “Regio assensu”.

вещь, ранее сделанную другими, как для избрания епископа деканом и главой (каноников)»¹.

Но в целом Коуэлл достаточно мало говорит о полномочиях и правах короля в этой сфере. Даже указанные здесь возможности очень схожи между собой, различия лишь в терминологии, а не в значении. Правовед придерживается мнения, что дела церковные, как и затрагивающие суд церкви, должны вершиться только теми, кто достаточно сведущ в богословии². Поэтому в тексте нет явных упоминаний, что король мог вмешиваться в решения церковных судов.

Последнее из заявленных направлений прерогатив монарха в политической сфере реализуется через его верховенство в делах **международных**, и прежде всего, военных. Как сказано ранее, с ссылкой на текст источника, король обладает правом объявления войны. Также помимо этого он имеет право вводить военное положение в королевстве, реализация которого «зависит от голоса короля или королевского лейтенанта в войнах»³. Король также может запретить своим подданным покидать королевство, поскольку «каждый человек должен служить и защищать государство»⁴. Лишь в 1642 году парламент высказался за своё возможность контролировать вооруженные силы, но уже в 1661 году Карл II вернул себе это право⁵.

В целом, спектр возможностей монарха своём королевстве, представленный выше, рисуем нам образ совершенного монарха, к которому, по крайней мере, должны стремиться английские короли. Поэтому тезис, заявленный вначале, что монарх, по Коуэллу, это скорее некий идеал, стоящий выше всех остальных в силу своего уникального происхождения, вполне может быть подтверждён. Но всё же стоит обозначить несколько

---

¹ *Cowell J. The Interpreter. 1607. "Royall assent".*

² *Ibid. "Court".*

³ *Ibid. "Martiall lawe".*

⁴ *Ibid. "Securitatem inueniendi, quòd se non diuertat ad partes exteras fine licentia Regis".*

⁵ *Хеншелл Н. Миф абсолютизма. С. 193.*

принципиальных выводов по рассмотренным терминам о королевской власти.

Во-первых, в тексте «Толкователя» мы видим реализацию ещё средневековой идеи «двух тел» короля. Она отчётливо видна в понятиях “короля” и его “прерогативы”. Монарх имеет политическое тело, обладающее абсолютной властью в своём королевстве, а также физическое – естественное, посредством которого он и воплощает в жизнь свои уникальные божественные права. Его сила и авторитет не подвергаются сомнениям и не могут быть оспорены никем; ни вне государства, ни в его пределах. Король есть суверен, сюзерен, наместник Бога на земле. Собственно, король стоит в центре повествования Коуэлла.

Во-вторых, чётко прослеживается идеологическое обоснование главенства короля над парламентом, обусловленное внутривластной ситуацией в королевстве. Король в «Толкователе» - это абсолютный король, который располагает фактически (по тексту) неограниченной властью по всем вопросам, в решении которых посчитает необходимым принять участие. Парламент в этой связи выглядит как совещательный орган, который в иерархии администрации королевства занимает положение ниже Тайного Совета короля.

Король обладает большим набором особых, неотчуждаемых от него, прав и полномочий. Он может их делегировать, но не может быть лишён их. Как указывает Н. Хеншелл, «королевские прерогативы перечислялись в десятках трактатов с уничтожающей скрупулезностью»¹, что мы видим и в «Толкователе». Они выражаются в защите подданных, регулировании социальной, политической, религиозной жизни государства, в поддержании порядка, благоустройстве, образовании и т.д. Но акцент в «Толкователе» сделан больше на демонстрации реализации прав короля, преимущественно в сфере феодальных отношений, финансовых возможностей короля, а также судебных прерогативах. Военная составляющая, а вместе с ней и религиозная

---

¹ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. С. 174.

отходят на второй план и по факту мало что представляют в источнике. Но вместе с этим, Коуэлл не старается размышлять о том, где полномочия короля по закону заканчиваются, а лишь указывает факт наличия той или иной прерогативы. Поэтому формулировки не отличаются конкретностью, и больше походят на перечень типичных выражений.

Терминология зачастую не носит исконно британского происхождения. Множество понятий заимствовано Коуэллом по большей части из французского языка, меньше взято из латыни (вывод на основании терминов, рассмотренных в этой главе). Только понятие “короля” несколько выделяется среди остальных в силу своего англосаксонского начала.

В своих трактовках королевской власти Коуэлл не старается как-то показать специфику развития властных отношений именно в Англии. Его терминология зачастую носит характер заимствований, отсылок к римскому императору. Правовед не подчёркивает различия с другими государствами, наоборот же старается иногда привести аналогию, например, с французским материалом.

Хоть король и является главной силой королевства, тем не менее, Коуэлл признаёт, что только в союзе с парламентом он является «телом» государства, а значит, ему необходима поддержка этого института в реализации идей управления. Вместе с парламентом король олицетворяет “корону”. Не смотря на уничижительные характеристики парламента, Коуэлл видит в нём орган поддержки королевской власти.

Также юрист не приводит в «Толкователе» привычных аналогий, что король – это отец семейства, что он – голова государства, о браке короля с государством или же что он является Богом на земле. Но как подчёркивает С. В. Кондратьев, это может быть связано с жанром словаря, который не предполагает использование подобных сравнений, да и вообще метафорического изложения¹.

---

¹ Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли?...» .С. 73.

«Толкователь» гармонично вписывается в контекст противостояния этих короля и оппозиции в Англии. Голос Джона Коуэлла в таком дискурсе оказался на стороне монарха, хотя, это его и не спасло от осуждения не только в юридической среде, но и самим монархом.

Заключение

«Толкователь» Джона Коуэлла – это юридический словарь, который известен далеко не всем исследователям эпохи Якова I. Заключённый в рамки специфического жанра, политический трактат, тем не менее, полностью соответствует своей форме. Сложность понятий, широкое применение аппарата цитирования и использование ссылок, строгость изложения материала и его тщательный отбор, акцент лишь на необходимой информации определения, следование алфавитному порядку – всё это роднит «Толкователь» в лексикографической традиции и ставит этот источник практически в самое начало возникновения специализированных английских словарей.

Его энциклопедичность представляет собой продукт эпохи, так как заложенные в него определения отражают общественные, культурные, экономические, политические идеи, которые господствовали во время его составления. Терминология хоть и заявлена в основном юридическая, но, тем не менее, автор часто отступает от трактовки правовых понятий, обосновывая это следованием традиции цивилистов-предшественников, должных быть сведущими обо всём. Это сближает «Толкователь» с энциклопедией, так как он предоставляет широкий спектр понятий, описывающих жизнь человека начала XVII в. Правда, в большей степени, образованного человека своего времени.

Однако истинное значение написания словаря становится понятным лишь после ознакомления с биографией его автора и контекстом внутривполитических событий в Англии времени первого Стюарта. Джон Коуэлл, как один из самых хорошо образованных представителей интеллектуальной элиты своего времени, выставил на широкое обсуждение собственное видение политического устройства, которого, по его мнению, заслуживала Англия. Активное обращение к римской правовой мысли, к доктринам средневековья, а также к собственной английской истории,

сплелись в его словаре в образе идеального правителя, абсолютного монарха, который в своём королевстве волен делать то, что пожелает нужным.

Источник написан в разгар борьбы короля с парламентскими претензиями на ограничение монаршей прерогативы, в момент спора о финансовом обеспечении Якова, во время установления новой династии. Сложность исторического контекста хорошо видна на страницах источника. Коуэлл чётко следует логике изображения совершенного во всех смыслах короля. Но он не смог предугадать, что Яков изменит своих принципам, которые он постулировал на протяжении более 10 лет.

Сложно сказать, было ли написание и издание «Толкователя» выполнено в рамках политического заказа. Точных сведений на этот счёт нет, за исключением указания в предисловии на возложение обязанности написания на него Ричардом Банкрофтом, Но, тем не менее, другой его труд «Институции законов Англии» содержит те же идеи, только в несколько иной форме. Поэтому можно предположить, что наполнение «Толкователя» является результатом собственных убеждений юриста.

Но словарь не реален с точки зрения заложенного в нём смысла. Изображение королевской власти не соответствует тому, что можно было наблюдать в реальности. В действительности это трактат, который лишь старается создать образ идеального короля, пропагандируя его всесилие и непоколебимость перед нормами общего права и парламентской оппозицией; и ответственен такой правитель только перед собой и перед Богом. За идеи «крамольного» толка о безграничной власти короля Коуэллу пришлось предстать перед парламентом и быть осуждённым за то, что он был явным сторонником Якова I. Однако после громкого разбирательства, цивилист и его словарь фактически были забыты.

Возможно, отчасти это связано с тем, что он больше не проявлял себя на судебном поприще, как например, Эдвард Кок. К тому же весьма скорая кончина после вынесения окончательного решения фактически определила забвение автора.

Однако это не умаляет значения, которое несёт в себе «Толкователь» применительно к нашему времени. Для современного исследователя – это «живой» источник, который в рамках привлечения междисциплинарного подхода фактически открывает целую эпоху, которая была скрыта от широкого круга учёных за завесой сухой фактологии изложения событий времени правления Якова I.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. *Cowell J.* The Interpreter: or booke containing the signification of words: wherein is set fourth the true meaning of all, or the most part of such words and termes, as are mentioned in the Laws Writers, or Statutes of this victorious and renowned Kingdome, requiring any exposition or interpretation. Cambridge, 1607.

2. *Cowell J.* The Interpreter: or booke containing the signification of words: wherein is set fourth the true meaning of all, or the most part of such words and termes, as are mentioned in the Laws Writers, or Statutes of this victorious and renowned Kingdome, requiring any exposition or interpretation. London, 1637.

3. Journal of the House of Commons. Vol. 1. 1547–1629. L.: Printed by HM Stationary Office, 1802. 932 p.

4. Parliamentary Debates in 1610 / Ed. by S. R. Gardiner. L.: Camden Society, 1862. 183 p.

5. The British Magazine and Monthly Register of Religious and Ecclesiastical Information, Parochial History, and Documents Respecting the State of the Poor, Progress of Education, &c. L., 1845. Vol. 27. P. 139-140.

6. The Political Works of James I / Ed. by Ch. McIlwain. Vol. 1. Cambridge: Harvard University Press; L.: Humphrey Milford, 1918. 354 p.

7. *Лавровский В.М.* Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII в. М., 1973. С. 67 – 71.

Литература:

1. Английская буржуазная революция XVII века / под ред. акад. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Т. I. 384 с.

2. *Арчер П.* Английская судебная система / пер. с англ. Л.А. Ветвинского. М.: Изд-во иностранной лит., 1959. 268 с.

3. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. Е.М. Лысенко. М., 1973. 232 с.

4. *Дженкс Э.* Английское право. (Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / Пер. с англ. Л.А. Лунц. М., 1947. 378 с.

5. *Дмитриева О.В.* «Честный Ламбард» И «германистическая» концепция древнего парламента // Вестник Оренбургского Государственного Ун-та. № 10 (116). 2010. С. 4-12.

6. *Дмитриева О.В.* Корона и парламент: гармония и дисгармония дискурсов ритуальных речей в парламентах елизаветинской Англии // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н.А. Хачатурян.* М.: Наука, 2008. С. 469-494.

7. *Иволина Л.И.* Шотландский период жизни Якова I Стюарта // *Вестник Удмуртского Университета. Серия История и Филология.* 2014. Вып. 3. С. 7-17.

8. *Каменецкий Б. А.* Идеиная борьба в Англии в период кризиса абсолютизма (конец XVI — начало XVII в.): Политико-юридический аспект // *Средние века.* М., 1980. Вып. 43. С. 162-190.

9. *Канторович Э.Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегинной. М., 2015. 752 с.

10. *Клочков В. В.* Парламентские свободы и прерогативные полномочия английской короны в раннее Новое время // *Известия Южного федерального ун-та. Гуманитарные и информационные технологии.* 2009. № 3. С. 195-199.

11. *Кондратьев С. В.* «Все могут короли, все могут короли?..» (Королевская власть и свобода подданных в парламентских дебатах и судебных тяжбах предреволюционной Англии). Тюмень, 2018. 196 с.

12. *Кондратьев С. В.* Английская революция XVII века: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., 2010. 192 с.

13. *Кондратьев С. В.* Английские юристы накануне буржуазной революции // *Правоведение.* - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990, № 4. С. 98-103.

14. *Кондратьев С.В.* Парламент в политико-правовой мысли предреволюционной Англии // *Правоведение.* 1998. № 4. С.104-116.

15. *Мортон А. Л.* История Англии / пер. в англ. Н. С. Чернявской. М.: Издательство иностранной литературы, 1950 г. 463 с.

16. *Москалёва К. Д.* Прерогатива как понятие и как символ власти в Англии в эпоху правления короля Якова I Стюарта // *Церемония и ритуал в европейской истории. Сбор. ст. по материалам межвуз. науч. конференции.* Отв. ред. П.Н. Лебедев. М., 2019. С. 103-116.

17. *Паламарчук А. А.* Общее право, социопрофессиональная конкуренция в раннестюартовской Англии и пути формирования историографической традиции // *Вестник СПбГУ. Сер. 2.* 2013. Вып. 4. С. 114-121.

18. *Паламарчук А. А.* Цивилисты в раннестюартовской Англии: юридическая корпорация в поисках национальной идеи // *Вестник СПбГУ. Сер. 2.* 2012. Вып. 4. С.60-67.

19. *Паламарчук А. А.* Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб.: Алетейя, 2015. 326 с.

20. *Паламарчук А.А.* «Kings by God's appointment»: проблемы монархической власти раннестюартовской эпохи в сочинениях лондонского антикварного общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2, вып. 2. С. 126-131.

21. *Паламарчук А.А.* Дело графа Оксфорда и полемика о юрисдикциях в раннестюартовской Англии // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С.96-98.

22. *Паламарчук А.А.* Лондонское антикварное общество и особенности антикварного дискурса // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2008. №7. С. 173-191.

23. *Паламарчук А.А.* Понять «Толкователя»: дело Джона Коуэлла и полемика о юрисдикции церковных судов в раннестюартовской Англии // Средние века. 2015. Том 76. Вып. 3-4. стр. 101-121.

24. *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1937. 224 с.

25. *Савин А.Н.* Лекции по истории английской революции. М.: Соцэкгиз, 1937. 388 с.

26. *Стрижаков И.В.* Королевский Суд справедливости Англии XVI–XVII Вв. // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 2. С. 38–45.

27. *Ступин Л. П.* Лексикография английского языка: учеб. пос. М., 1985. 167 с.

28. *Томсинов В. А.* Модернизация политической системы Англии в XVI– первые десятилетия XVII в. // Вестн. РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. № 1. С. 95–108.

29. *Томсинов В. А.* Римское право в средневековой Англии // Античная Древность и Средние века. Проблемы социального развития. Издательство Уральского гос. ун-та Свердловск, 1985. С. 122–134.

30. *Томсинов В. А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года: учебное пособие. М., 2010. 264 с.

31. *Федоров С. Е.* Абсолютная власть государя в контексте средневековой политической теологии (постановка проблемы) // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2016. Вып. 2 (14). С. 31-44.

32. *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западно-европейской монархии раннего Нового времени / Пер . сангл . А. А. Паламарчук. СПб., 2003. 272 с.

33. *Царева Ю.И.* Древние Королевские прерогативы и парламент в XVI-XVII вв. Столкновение интересов // Англоведение в современной России. Колл. монография / Отв. ред. М.П. Айзенштат, Т.Л. Лабутина. Ин-т всеобщей истории РАН. М., 2018. С. 21-29.

34. *Шарифжанов И.И.* Корона и парламент в Англии XVII века: королевская прерогатива или суверенитет парламента? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 1. С. 256-262.

35. *Штокмар В. В.* История Англии в Средние века. СПб. Алетейя, 2005. 203 с.

36. *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов. / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб., 2001. Т. 1. 563 с.

37. *Baker J.* An Introduction to English Legal History. Oxford: Oxford University Press, 2019. 637 p.

38. *Burgess G.* The Politics of the Ancient Constitution: An Introduction to English Political Thought, 1603-1642. L.: Palgrave, 1992. 293 p.

39. *Considine J.* Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage. Cambridge University Press. 2008. 393 p.

40. *Considine J.* English dictionaries as sources for work in English historical linguistics: An overview. Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis, 2014. Vol. 131. № 1. P. 27-41.

41. *Cooper J. P.* The fall of the Stuart monarchy // The New Cambridge Modern History: Vol. 4. The Decline of Spain and the Thirty Years War, 1609-48/49 / Ed. by J. P. Cooper. Cambridge: University Press, 1971. P. 531-584.

42. *Coquillette D.* Legal Ideology and Incorporation I: The English Civilian Writers, 1523–1607 // Boston University Law Review. 1981. № 61. P. 1–89.

43. *Coward B., Gaunt P.* The Stuart Age, 1603-1714. London; New York: Routledge, 2017. 632 p.

44. *Daly J.* The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England // The Historical Journal. Vol. 21, № 2. 1978. P. 227-250.

45. *Davies G.* The Early Stuarts, 1603-1660 (Oxford history of England). Oxford: Clarendon Press, 1937. 452 p.

46. *Gardiner S. R.* The first two Stuarts and the Puritan revolution, 1603-1660 (Epochs of modern history). NY: C. Scribner's Sons, 1895. 222 p.

47. *Gillies G.* The Anglicisation of English Law // Auckland University Law Review. 2011. Vol. 17. P. 168-193.

48. *Gray J.* King's College School in 1564 // Proceedings of the Cambridge Antiquarian Society. Cambridge, 1964. Vol. LVI & LVII. P. 88-102.

49. *Hemholz R.H.* Roman Canon Law in Reformation England. Cambridge, 1990. 209 p.

50. *Hicks F.C.* Men and Books Famous in the Law. Washington, 2000. 259 p.
51. *Holdsworth W. S.* A History of English Law. In 7 vols. Third Edition. Vol. 2. L.: Methuen and Co., 1923. 710 p.
52. *Holdsworth W. S.* A History of English Law. In 7 vols. Third Edition. Vol. 6. L.: Methuen and Co., 1922-23. 760 p.
53. *Holdsworth W. S.* The Prerogative in the Sixteenth Century // Columbia Law Review, Vol. 21, No. 6. P. 554-571.
54. *Jones W. J.* The Crown and the Courts in England 1603–1625 // The Reign of James VI and I / Ed. by Smith A. G. R. L., 1973. P. 177-194.
55. *Knafla L. A.* Law and Politics in Jacobean England. The Tracts of Lord Chancellor Ellesmere. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 355 p.
56. *Lancashire I., Damianopoulos J.* The Early Modern English Law Lexicon // Legal Lexicography: A Comparative Perspective / Ed. by Máirtín Mac Aodha. (Law, Language and Communication series). Farnham: Ashgate, 2014. P. 31-43.
57. *Lapidge M.* The Anglo-Saxon library. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2006. 407 p.
58. *Lee D.* Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought. Oxford: Oxford University Press. 2016. 375p.
59. *Mousoukaris G.* Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition. Auckland: Springer, 2015. 328 p.
60. *Russell C.* The Nature of a Parliament in Early Stuart England // Before the English Civil War: Essays on Early Stuart Politics and Government / Ed. by Tomlinson H. NY, 1983. 123-150.
61. *Sauer H.* Sauer H. Glosses, Glossaries, and Dictionaries in the Medieval Period // The Oxford History of English Lexicography / Ed. by Cowie A. P.. Oxford: Clarendon Press. 2009. Vol. I. P.17-40.
62. *Sharpe K.* Reading Authority and Representing Rule in Early Modern England. Bloomsbury Academic, 2013. 330 p.
63. *Smith A. G. R.* Constitutional Ideas and Parliamentary Developments in England 1603-1625 // The Reign of James VI and I / Ed. by Smith A. G. R. L., 1973. P. 160-176.
64. *Sommerville J.P.* Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England, 1603 –1640. L., New York, 2014. 304 p.
65. *Stein G.* The English dictionary before Cawdrey. Tubingen, 1985. 444 p.

66. *Stein G.* The English Dictionary from Cawdrey to Johnson 1604–1755 (Studies in the History of the Language Sciences series) / Ed. by *Starnes DeWitt T., Noyes G. E.* Amsterdam, 1991. vii- xi.

67. *Stone J.* John Cowell's Interpreter: Legal Tradition and Lexicographical innovation // SEDERI: yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies. 1999–2000. № 10. P. 121–130.

68. *Waite P. B.* The Struggle of Prerogative and Common Law in the Reign of James I // The Canadian Journal of Economics and Political Science / Revue canadienne de economiques et science politique. Vol. 25. № 2. 1959. P. 144-152.

69. *Zetzel J.E.G.* Critics, Compilers, and Commentators: An Introduction to Roman Philology, 200 BCE-800 CE. Oxford University Press, 2018. 425 p.